Игорь Журавель

Бессмертная традиция

Бессмертная традиция

Часть 1. Контора и Орден

1

Несколько мгновений в неестественной позе и с дурацким выражением лица. И – готово, дело сделано, я сфотографировался на пропуск. Естественно, буду не похож на себя, если говорить о фото на документы – фотографии никогда не похожи на их обладателей. Как бы это ни противоречило законам физики – многие со мной согласятся. Фотографироваться я не люблю. Известная фраза – “сейчас вылетит птичка” – смущала меня с детства. Я действительно представлял, что настоящая птица притаилась где-то внутри фотоаппарата, вроде как элемент механизма. А она все не вылетала и не вылетала, и я уже в довольно раннем возрасте начал осознавать, что в ритуале фотографирования есть что-то лживое, противоестественное. Впрочем, в паре мультфильмов птичка таки вылетела, что успокоило меня на некоторое время. Мало ли, в чем дело? Может, аппарат просто легко ломается, дверцу клинит.

В детстве многое виделось по-другому. Я тогда, к примеру, знал, что существуют машины легковые и грузовые. Но думал, что и те и другие как, впрочем, и тракторы используются исключительно как личный транспорт. А продукты в магазинах изготавливаются прямо на месте, в соседнем помещении. С годами меняется мировосприятие, взгляды на мир, отношение к окружающим, идеология. Но остается ощущение какой-то неправильности, лживости происходящего.

Выхожу из фотоателье и иду в пивной бар, благо он неподалеку. Нужна передышка после глупого ритуала. Мое сегодняшнее изображение запечатлелось на пленке. Или в памяти цифровой камеры – скорее всего, на пленку уже лет сто как снимают только упоротые постхипстеры и безумцы. Мне же настоящему необходимо расслабиться. Добираюсь до нужного двора. Изначально хотелось неспешно выпить бокальчик на скамейке. Но оказывается, что это плохая идея. Там уже расположился житель соседнего дома, милиционер Лейба. У него сегодня выходной, по такому случаю Лейба облачился в парадный мундир, сшитый по спецзаказу у какого-то известного кутюрье. Рядом с ним мобильник, из динамика которого доносится песня попсовой группы, что-то вроде “я ухожу, ухожу с красивым”, в руках початая бутылка шампанского. Согласитесь, не самая лучшая компания.

Уютно устраиваюсь за столиком с кружкой светлого. Такой досуг приемлем. Вообще-то я люблю горы, люблю, чтобы было подальше от цивилизации. Но большую часть времени приходится торчать в городе. Соответственно, мне остаются кабаки, диван у себя дома, еще, пожалуй, посадки, медленно, но неуклонно мутирующие в парки культуры и отдыха. Крайний вариант – андеграундные клубы. Главное – чтобы было поменьше лишних людей, а лишние – это все, кто не свои. Простые человеческие радости – гидропарки, диско, кинотеатры – мне все это чуждо. Как и простые люди. Особенно те, что предпочитают оставаться таковыми из страха. Страха выйти за рамки обыденности, совершить что-либо нестандартное. Страха не перед поражением, но перед успехом. Пожалуй, главная характерная черта человечества – боязнь победить. Она проявляется практически во всех сферах жизнедеятельности, кроме суицида. Кроме того,

обыватели не умеют веселиться по-настоящему. В них нет подлинного размаха, душевного полета, невооруженным глазом видно, что они просто пытаются сбежать от того ужаса, что окружает их каждый день. От бессмысленной деятельности, бессмысленного общения, сюрреалистичных потуг достичь вершин в том, что неинтересно даже им самим.

Над барной стойкой работает телевизор. Рекламный ролик. Учительница что-то объясняет детям. Вдруг меняется в лице:

– Что Вы себе позволяете? Да кто Вы вообще такой?

На последней парте сидит пьянющий мужчина, растрепанный, небритый, в тренировочном костюме. Отхлебывает из ополовиненной бутылки портвейна и выдает в ответ:

– А я из этого… из районо…

Кадр останавливается, на экране возникает надпись: “Будь мужиком – пей везде!”

Смело-смело. Интересно, что за канал позволяет себе пропаганду спиртного? При массовой-то непопулярности (не спиртного, а пропаганды, ясное дело). Теория заговора уже десятки лет как остается в тренде. Почему людям плохо живется? Может, потому что, во-первых, в который раз избирают в органы власти тех же самых мудил, а во-вторых, сами – ленивые трусливые жопы, не стремящиеся что-либо менять в жизненном укладе? Нет, конечно. Одно из излюбленных объяснений – живут плохо, потому что бухают. А бухают потому что массовая пропаганда всех зомбирует. Какая к херам пропаганда? Цены на бухло растут, как на

дрожжах, рекламу запретили, распитие в общественных местах запретили, все без исключения общественные деятели только и трындят о “здоровом образе жизни”, фитнесс-клубы открыли едва ли не в каждом доме… Хоть один пример пропаганды? В ответ – глаза раскройте, Вы что, сами не видите, что с нами, простым народом, жиды (буржуи, гренландцы, ООН, инквизиция, масоны, Мировое правительство, рептилоиды, и пр.) творят.

Барменша переключает канал. Как раз начинается набирающее популярность шоу “Эксгумация”. Съемочная группа ездит по кладбищам и эксгумирует известных личностей. Эксперты определяют, как они сохранились, можно ли еще определить причину смерти, какие условия предоставляются мертвецам на кладбища. “А сегодня, дорогие телезрители, мы эксгумируем Николая Васильевича Гоголя!” – радостно кричит ведущий.

– Здорово, Варг! – это мой знакомый, Ваня.

Пожимаю протянутую руку, он занимает место напротив. Поднимает кружку, выдвигает вперед. Я отвожу свою подальше.

– Ты чего?

– Дружище, ты когда-либо вообще задумывался над смыслом этого ритуала. Когда сдвигаются бокалы, что при этом происходит?

– Ну и что?

– Считается особенным шиком чокнуться с размаху, так чтоб аж звенело. И чтобы напиток из

одного сосуда перелился в другой. Зачем, по-твоему, это нужно?

– Наверно, древняя традиция. Типа чтобы удостовериться, что напиток не отравлен.

– Возможно, и так. Но существует и более глубокая интерпретация. Обмен жидкостями, обмен соками. Здесь явный сексуальный подтекст. Соответственно чокаться мужчине с мужчиной – здесь явный намек на нетрадиционные предпочтения. Каковые ни для меня, ни, насколько мне известно, для тебя не характерны.

– А поминки тогда… – Осеняет моего собеседника.

– Совершенно верно. Там все как бы чокаются с покойным. Некрофилия как она есть. Ничего удивительного. Прибитый гвоздями к кресту умирающий мужик как символ веры. Опять-таки все эти эти иконы в храмах, святые, изображенные на них давным-давно мертвы. Христианский культ это по своей сути некромантия в чистом виде.

Мы продолжаем пить. Ничего примечательного более не происходит. Помимо того, что Виталия Иваныча, местного напряжного типа, спускают с лестницы. Достал барменшу мольбами о кредите, а всех выпивающих просьбами одолжить денег. Так что все закономерно. “Ой, рученьки мои. Ой, ноженьки мои! Что же это вы со мной делаете”. – Причитает поверженный Виталий Иваныч. Остальные продолжают пить, пока бар не закрывается.

Мы выходим, выкуриваем по сигарете. Рассматриваем вариант догнаться, однако средства на исходе, так что решаем разойтись. Идти мне недалеко, мой дом в соседнем дворе. Захожу в подъезд,

поднимаюсь по лестнице на свой этаж, достаю ключи… и осознаю, что открывать попросту нечего. Входной двери на месте нет. Нет, и все, гладкая стена. Причем по виду старая, выглядит так, будто стояла тут без ремонта еще со времен постройки дома. Экая неожиданность, блядь. Ничего себе расклады. И что же теперь делать? Звонить соседям? Да они меня не знают, как и я их. Как-то не успел познакомиться, да и желания особого не было. Скажут, знать тебя не знаем. А квартиры твоей здесь никогда не было, испокон веков стена была. На всех этажах по три квартиры было, а на этом вот почему-то две. Обыватели любят абсурдные объяснения. Главное, чтобы они вписывались в сложившуюся картину мира.

Все это очень странно. Я выхожу из подъезда, сажусь на скамейку, закуриваю. Начинаю вспоминать.

Недавно мне приснился сон. Я сидел у себя в квартире и смотрел на пейзаж за окном. И вдруг увидел в небе летающую тарелку. Затем – еще одну. Я побежал в соседнюю комнату и принялся лихорадочно рыться в поисках фотоаппарата, нашел и вернулся. Хотелось сделать фоторепортаж, сразу же выкинуть в Интернет и прославиться как уфолог. Новых тарелок не появлялось. Некоторое время все было тихо, затем я увидел корабль пришельцев, на этот раз он скорее напоминал летающий вагон современного поезда. Он врезался в мой балкон, и пришельцы вышли из него прямо ко мне в квартиру. Они были высокие, светловолосые и с голубыми глазами, очень красивые по нордическим стандартам. “Мы пришли освободить землян, – заявила девушка-пришелец, – вы будете нашими рабами”.

Всю ночь я гулял. Мне нравится ночной Нью-Вавилон, в нем почти нет людей, тихо, спокойно, уютно. Темнота обволакивает меня, и я чувствую себя удивительно защищенным. Я прошелся по улицам, выпил бутылочку бехеровки на набережной, глядя на отражение в воде звездного неба и огней ночных заведений. На заре я отправился к себе в офис, сегодня был мой первый рабочий день.

Контора выглядит достаточно необычно. В центре расположен огромный, диаметром метров пятьдесят, компас. В соответствующих собственному названию местах вокруг него размещены здания Северного, Южного, Западного и Восточного отделов.

Недавно я с успехом прошел собеседование. Собеседовавшие меня господа задавали вопросы о Древе Мира, рунах, камне Алатырь, фэйри, Хельхейме, Етунхейме, Асгарде, Калиновом Мосте и многом другом. В итоге, судя по всему, мои ответы их удовлетворили, и я был принят на работу в Северный отдел. Мне выдали ключ от личного кабинета, и сказали оформить пропуск. Зачем нужен последний, не знаю, охраны я на территории предприятия не замечал. Видимо, это своего рода ритуал, дань бюрократическому прошлому.

Мой кабинет оказался на редкость уютным. Меня там ждали массивный письменный стол, персональный компьютер, два книжных шкафа с полками, уставленными разного рода литературой, камин, запас дров, уютные кресла и медвежья шкура. Еще я обнаружил холодильник, под завязку забитый холодным пивом и различными мясными и рыбными закусками.

В курс дела меня никто ввести не успел, так что представления о своих обязанностях я не имел

никакого. Я решил действовать на свое усмотрение: разжег камин, устроился поудобнее на шкуре и заснул.

Разбудил меня стук в дверь, судя по звуку, вероятнее всего стучали ногами. Отворив, я увидел за дверью Эрика, одного из тех ребят, что меня собеседовали. Он с первого взгляда оценил мой растрепанный помятый вид и сказал:

– Варг, возьми в холодильнике пивка, у нас с этим не строго. Только лечиться будешь по пути, шеф требует к себе.

***

Начальник оказался харизматичной личностью. Это был высокого роста мужчина с длинными волосами и бородой. Одет он в этот день был в длинный черный плащ с воротником из волчьей шкуры. Шеф представился Гримниром, сообщил, что обращаться к нему нужно на “ты” и без лишних церемоний, указал мне на мое место за круглым столом и с ходу приступил к делу:

– Итак, Варг, твое первое задание – добыть нам ангельскую пыль.

– Круто, так я теперь наркокурьер?

– Да не, ты неправильно понял. Ангельская пыль – это по сути прижившийся в нашем языке неправильный перевод. На самом деле “ангельский прах” (по-английски Angel dust, “dust” в переводе и “пыль”, и ”прах”), пепел, который остается после сожжения ангелов. Субстанция с многих точек зрения очень интересная.

– Ладно, исходные данные.

– Насколько нам известно, – сообщил Гримнир, – некая организация под названием Орден Единого Бога занимается массовым производством этой штуки. Они клонируют ангелов, а затем их сжигают.

– Принято к сведению. Надо бы, пожалуй, кого-нибудь к ним внедрить.

– Работаем над этим. Еще идеи?

– Есть одна мысль. Монотеистические религии, построены, как известно, на культе смерти. Если эти ребята из Ордена действуют в рамках принятой ими парадигмы, где им логичнее всего прятать что-либо ценное? Правильно, на кладбище!

– Молодец. Дальше. Где именно на кладбище? Полностью ж тебе его разрыть никто не даст.

– Некоторые надгробия делаются в виде ангелов. Возможно, это неспроста, надо проверить.

– Договорились, действуй.

3

И вот я катил на свое первое задание в любезно предоставленном начальством катафалке. Помимо транспорта мне выделили в помощь водителя и пару дюжих молодцев с лопатами. Разрывать могилы – интригующее занятие. Так сказать, почувствуй себя Виктором Франкенштейном. Кстати, о бароне. Несомненный гений. Однако не вписался в дискурс, и пипл его креатив не схавал. Одна небольшая ошибка в эксперименте – и объявили едва ли не врагом народа.

Причем, подозреваю, что будь эксперимент успешным, закончилось бы приблизительно тем же. Мол, негоже человеку брать на себя работу Бога и создавать жизнь. Судя по тому, сколько вокруг дебилов, мудаков и уродов, у Бога это тоже не очень-то хорошо получается.

Чтобы скоротать время, я взял валявшуюся рядом на сиденье газету и принялся ее просматривать. Мне вспомнилось, что, судя по произведениям еще столетней давности, раньше в газетах печатали некрологи. Нынче этого нет. Смерть стала неинтересной, потеряла всякую привлекательность. Теперь она – событие как максимум в чьем-либо маленьком мирке, не более. Может это и неудивительно. В мире чертовых семь миллиардов людей. Пару тысяч туда, пару сюда, какая разница? Даже если миллионов. Пишут только почему-то о крушениях самолетов. Это вызывает интерес. Видимо, в наше время погибнуть в авиакатастрофе – это какая-то особая метафизическая привилегия

***

Мы на месте. Выходим. Водитель, кажется, его зовут Слава, размещает на педали сцепления волчий капкан. Видимо, он не доверят современным противоугонным средствам.

Мы идем между надгробиями, внимательно их рассматривая. Кладбище старое, здесь хоронили, когда Нью-Вавилона еще в проекте не было. Есть Адольфы родившиеся в начале сороковых годов XX века. Тезки безумного фюрера Третьего Рейха. Смелое заявление. Впрочем, говорят, некоторые представители местной интеллигенции тогда встречали национал-социалистов как освободителей. Есть экзотические фамилии и имена.

Например, Фаиза Девлятшиновна Лебедева. Да возродится она в счастливом мире.

Кстати, знакомое имя. Мы с чуваками как-то случайно забухали на ее могиле. Я запомнил. И меня что-то смущает. Ага! У нее на могиле был ангел, а сейчас его нет. Он отбит. Приглядываюсь, и вижу, что земля над захоронением как-то уж излишне разрыхлена.

– Славик, – обращаюсь я к водителю, как зовут других двух ребят не запомнил. У меня вообще ужасная память на имена. – Тут был ангел. Теперь его тут нет. Его спилили.

Славик, нецензурно выругавшись, достает бинокль и глядит в него поверх могил. Потом передает бинокль мне. Я вижу высокую фигуру, удаляющуюся в направлении заниженных авто. Его сопровождают некие ребята ближневосточной внешности в белых кандурах и гафиях.

– Срань, – говорит Слава, – нас опередили. Этот типчик, который повыше, это Шамиль Добронравов. Мужик своеобразный. Видишь его татуировки – полумесяц на правой щеке, распятье на левой? Он настолько истово поклоняется одновременно двум богам – Христу и Аллаху – что за неподдельную страсть, которая прослеживалась в его приверженности обоим культам, заслужил в среде недоброжелателей прозвище Шамиль Бисексуал. Занимает в Ордене Единого Бога руководящий пост. Этот козлина умудрился нас опередить.

– Что будем делать? Дадим бой?

– Дьявол с ним. И все остальные вымышленные церковью персонажи тоже. Едем обратно в Контору.

Мне было обидно, что я провалил первое задание. Однако я доверился более опытному коллеге и не стал возражать.

4

Фидель читал в вагоне метро. Ему все никак не удавалось сосредоточиться, отвлекала соседка. Фидель особенно не любил людей, у которых, как говорится, рот ни на минуту не затыкается. Соседка была глухонемой, но в целом, как ни парадоксально, принадлежала к этой столь нелюбимой им категории граждан. Она непрестанно жестикулировала, объясняя что-то сидящему напротив мужчине. Резкие жесты отвлекали и, когда та наконец-то отсела на освободившееся место рядом со своим товарищем, Фидель возблагодарил бы богов, если бы в них верил. Дальше он ехал до нужной станции без лишних душевных переживаний, всецело погрузившись в книжные события.

Выйдя из метро, Фидель огляделся. Привычная картина. У расположенного неподалеку центра чего-то там собралась толпа ментов. Видать, гей-парад у них или какое другое служебное мероприятие. Дорогу в очередной раз разрыли. То ли ремонтировали ее саму, то ли какие-то коммуникации под ней, а может просто искали клад или изображали деятельность. По узкому неразрытому участку ползла вереница автомобилей, водители непрерывно сигналили. Фидель поморщился от шума, закурил сигарету и, протиснувшись в брешь между машинами, пошел по улице, минуя постхипстерскую кондитерскую. Еще раз поморщился. Постхипстеров он не терпел. Те косили под олдскул,

выряжались в модные псевдо-рок-н-рольные шмотки, слушали безликие современные группы, которые в свою очередь убого копировали старую школу, сидели в таких вот кондитерских в свободное от работы время, черкая дорогими перьевыми ручками в брендовых блокнотиках в кожаном переплете и обсуждая шопинг. Истинный рок-н-ролл – это не имидж, не шмотки, это нечто куда большее. Если послушать тех же Rolling Stones, понимаешь, что когда они поют про Дьявола, они знают, о чем речь, они лично с ним бухали.

Фидель прошел несколько кварталов и свернул во двор дома, где жил Генрих. Там на скамейке уже дожидался всех Винсент. Они обменялись рукопожатиями.

– Здоров, Винс!

– Здорово, чувак!

За скамейкой спала в траве какая-та пьяная женщина. Друзья закурили и завели беседу о футболе. Разговор разбудил женщину, она кряхтя поднялась и присела рядом.

– Извините, молодые люди, я посижу здесь немного.

– Да без проблем, – ответил Фидель.

Она некоторое время молчала, затем сказала:

– Ребята, простите меня ради Бога. Я просто опять увидела этих трех собак и не выдержала – напилась.

Она пошарила в сумочке, достала наполовину выкуренную сигарету и попросила подкурить. Выдохнув

дым, продолжила:

– Первая живет на первом этаже. Вторая ходит в магазин, покупает кефир и булочки. – И замолчала.

Тут как раз подошел Генрих и молодые люди покинули несчастную, так и не узнав, что делает третья собака.

Друзья двинули в лес. Шли минут сорок, почти не разговаривая, думая каждый о своем. Наконец они пришли на большую поляну, полностью защищенную от осадков деревянным навесом. Под навесом стояли старые телевизоры. Телевизоры использовались в качестве столов и стульев. При этом практически все они работали. В компании была традиция включать используемые в качестве мебели телевизоры в надежде на то, что они внезапно поймают какой-нибудь интересный сигнал. Разумеется, сигналы от телевышек уже давным-давно не загрязняли эфир, это было в далеком прошлом. Таким образом композиция из работающих телевизоров в какой-то мере представляла собой пародию на программу Института SETI по поиску внеземных цивилизаций. Завсегдатаи поляны пристально следили за тем, чтобы все аппараты были исправны, и носили с собой запасные батарейки для них.

Генрих, Винсент и Фидель удобно расположились на трех телевизорах, водрузили на четвертый огромную бутыль рома.

Они выпивают, иногда поют песни вроде "Fifteen men on the dead man's chest”. В остальное время Генрих включает музыку с телефона. В основном олд-скульный готик-рок вроде “She wants revenge” и совсем древних “Cure”, “Bauhaus”. Ведут беседу.

– Мы построим корабль и станем настоящей пиратской командой, – говорит Фидель, – будем ходить под парусами и брать на абордаж суда. Все охуеют, сейчас же пиратов не осталось, никто к такому не готов. Главное – не нарваться на военных. И фактор внезапности на нашей стороне. Увидев парусник, люди подумают, что это просто какое-то ебаное шоу. А тут мы, с саблями, с пушками, с пулеметом “Максим”.

– А еще мы поплывем в южную столицу мира, – говорит Генрих.

– Что еще за южная столица мира? – Интересуется Винсент.

– Есть четыре столицы мира. Сейчас открыты для посещений западная (Голливуд) и восточная (Лхаса). Северная, Ультима Туле, скорее всего, затонула, и возродится либо после глобальной экологической катастрофы, либо после начала строительства подводных городов. Местоположение приблизительно известно. Развалины затонувшей Гипербореи нашел Александр Барченко еще в XX веке. Надо будет туда съездить. Вот еще бы бабок для, как минимум, исследований, а лучше для создания подводных городов…

– Не спеши, что насчет южной? Речь же о ней сейчас. – Перебивает Винсент.

– Южная столица мира, как долго считалось, была скрыта подо льдами Антарктиды и недоступна до смены климата. Однако Третий Рейх то ли наткнулся на систему тоннелей, то ли сделал ее самостоятельно. В общем, проложил туда путь. И потомки тех

первопроходцев из Рейха, по слухам, до сих пор живут там и готовятся к возрождению своей империи.

– То есть, мы поплывем туда и наткнемся на нацистов, – говорит Фидель, – и что мы будем делать?

– Договоримся. Мистики всегда как-нибудь договорятся.

– Ты нацист?

– Нет, – отвечает Генрих, – но я уважаю мистиков.

Их разговор был прерван появлением неожиданного гостя.

Многие молодые люди, особенно действительно не обделенные талантом и способностью к нестандартному мышлению, очень амбициозны. Они видят себя в будущем вершителями великих дел, пребывают практически в полной уверенности, что все вершины им покорятся. Но, как известно, строить далеко идущие планы – только богов смешить. Поэтому практически ничто из загаданного не сбывается. Кто-то отчаивается и опускает руки, потихоньку угасая в своем унынии. Кто-то продолжает бороться несмотря ни на что, и к таким иногда все-таки приходит удача в совершенно неожиданной форме. Так в случае Генриха и Винсента удача приняла облик средних лет мужчины, напоминающего викинга. В плаще с волчьим воротником. Гримнир завербовал их в Контору без особых проблем. Хватило бы даже перспектив отправиться в южную столицу мира, а им предлагали десятки подобных экспедиций. Фидель, разумеется, отказался. Он был против всякого рода контор.

Игнатий проснулся еще до рассвета в своей тесной съемной комнатушке. Поднялся с жесткого деревянного топчана, зажег свечу, снял со стены плетку и выполнил привычную процедуру самоистязания. Умерщвлению плоти Игнатий уделял особое внимание с младых лет, когда он был всего лишь юным послушником, а вовсе не главой инквизиции Ордена Единого Бога. Покончив с этим, он позавтракал куском черствого хлеба, запив его виноградным соком, сел за стол и погрузился в утреннее чтение Библии – к Священному Писанию он обращался ежедневно в течение последних двадцати лет.

Помолившись, Игнатий покинул свое жилище. Он вышел из дому несколько раньше обычного, прежде чем отправиться на встречу с собратьями по Ордену, Игнатий должен был сделать важное дело – завербовать новичка в армию Господа. Новобранцем суждено было стать Матвею, соседу Игнатия, мужчине средних лет и неопределенного рода занятий. Матвей как обычно сидел на скамейке у подъезда, хмурый и задумчивый. Игнатий сел рядом, достал откуда-то из глубин рясы флакончик настойки боярышника и протянул соседу. Тот осушил фанфурик в один глоток и грустно пробормотал:

– Эх, мудак я пропащий.

– Никакой ты не пропащий, – убедительно сказал Игнатий, – еще есть время сослужить службу Господу нашему.

– Да кому я нужен, мудак эдакий.

– Да не волнуйся, Господь тебя поймет и простит. Скажу по секрету, он такой же мудак, как и мы с тобой.

Так что? Ты с нами?

– А куда ж я денусь? – ответил новый сторонник Ордена.

***

Игнатий любил вербовать людей. Больше этого он любил лишь посылать на верную смерть уже завербованных. Он делал это, не задумываясь, принесет ли это пользу Ордену, есть ли в их миссии какой-либо смысл. Ибо в смерти уже самой по себе есть смысл, она оправдывает саму себя. Одним из любимых мест Игнатия в Ветхом Завете было: “*И стал Моисей в воротах стана и сказал: кто Господень, [иди] ко мне! И собрались к нему все сыны Левиины. И он сказал им: так говорит Господь Бог Израилев: возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего. И сделали сыны Левиины по слову Моисея: и пало в тот день из народа около трех тысяч человек*”. А еще ему очень нравилось: “*Не медли [приносить Мне] начатки от гумна твоего и от точила твоего; отдавай Мне первенца из сынов твоих; то же делай с волом твоим и с овцою твоею [и с ослом твоим]: семь дней пусть они будут при матери своей, а в восьмой день отдавай их Мне. Ибо Моисей сказал [им]: сегодня посвятите руки ваши Господу, каждый в сыне своем и брате своем, да ниспошлет Он вам сегодня благословение*”. Этот эпизод можно было трактовать двояко: и как человеческое жертвоприношение, и как посвящение с младых лет служению Господу. То есть, скажем так, смерть в рассрочку.

Вербовка людей, особенно людей пропащих, отчаявшихся, была его коньком, однако не всегда все проходило гладко. Он как раз решил перед появлением в штаб-квартире Ордена заглянуть в гости к одному человеку, которого ему так и не удалось привлечь на свою сторону. Сложно сказать, друг это был или враг. Он кардинально отличался от Игнатия практически во всем. Если верить художественным произведениям, такие вот не пойми худшие друзья или лучшие враги встречаются повсеместно. В жизни чаще всего люди все же дружат с теми, кто близок им по интересам и убеждениям. Однако есть место и исключениям.

***

Авессаломыч был бомжом. Но бомжом необычным. В отличие от вечно пьяных, грязных и вонючих “коллег” он был очень аккуратным. Пол в заброшенном подвале, где он ночевал, был всегда тщательно подметен и вымыт. Свои лохмотья Авессаломыч по ночам стирал в текущем в расположенном неподалеку яру роднике, где он также и купался. Служившие ему посудой битые тарелки и консервные банки дочиста вымывались после трапезы. Более того, даже найденную стеклотару Авессаломыч перед тем как сдать тщательно прокипячивал.

Авессаломыч пил мало и исключительно в одиночестве. Он любил взять чего-нибудь крепкого и засесть где-нибудь в лесу или у себя в подвале, погрузившись в свой собственный мир грез. Послушать музыку. Как-то он нашел на помойке разбитый ноутбук, отнес его в сервис-центр и отремонтировал на скопленные деньги, заработанные сдачей стеклотары и макулатуры. Он подключил ноутбук к розетке, которую ему за бутылку вывел в подвал знакомый электрик, и

теперь мог слушать музыку и записывать свои мысли. Музыку он скачивал в интернет-кафе и сбрасывал на найденную на дороге флэшку.

Возможно, вы удивитесь, что он не скопил себе денег на съемное жилье, не восстановил документы, не стал добропорядочным членом социума. Однако его не интересовал социум, не интересовала добропорядочность. Кроме того, зачем ему съемное жилье? Он навесил замок на свой бесхозный подвал, и фактически стал его собственником. Пожалуй, его можно было бы назвать сквоттером, но сам Авессаломыч предпочитал именоваться бомжом.

***

Игнатий вновь заглянул в гости к Авессаломычу, и тот приветствовал его.

– Привет, Игнатий, – сказал он.

– Привет и тебе, нечестивец, до сих пор не побитый камнями, – отвечал Игнатий, – порождение нечистого.

– Это я-то нечистый? А кто мне говорил, что мыться – значит смывать с себя благословение Господне?

– Ну, это образно. Благодари Господа, что ты не кастрат и не урод. Ведь сказано в Библии: “*у которого на теле будет недостаток, не должен приступать, чтобы приносить хлеб Богу своему; никто, у кого на теле есть недостаток, не должен приступать, ни слепой, ни хромой, ни уродливый, ни такой, у которого переломлена нога или переломлена рука, ни горбатый, ни с сухим членом, ни с бельмом на глазу, ни*

коростовый, ни паршивый, ни с поврежденными ятрами”.

– Это, конечно, все разумно, да вот бояться мне нечего, потому как нет вашего бога. Для нас, во всяком случае. Это еврейский бог, и я ему не подчиняюсь.

– А кому подчиняешься?

– Своим, языческим. Еврейский, кстати, он тоже своего рода языческий. То есть свой, но только для евреев. А же предпочитаю северных. Тех, в которых верили мои далекие предки.

– А если я тебя, Авессаломыч, возьму и убью? Куда ты попадешь? В рай, в ад?

– Да не важно, Игнатий, куда я попаду. В Хель или в Вальхаллу. Из любого из миров я рано или поздно вернусь сюда. Только из Хель – просто жить как и сейчас, а из Вальхаллы – на битву, в качестве великого воина. Они по сути отличаются друг от друга, эти два мира, тем, что те, кто попадает в Хель, просто участвуют в круге жизни. Рождаются, рожают, живут, умирают. Кто воплощаются из Вальхаллы – те сражаются. Они меняют мир.

– Важно или неважно, но скоро ты об этом узнаешь, – произнеся это обещание, Игнатий достал кинжал и воткнул его Авессаломычу в сердце. Ему было больно, так как он убивал единственного человека, которого мог хотя бы с натяжкой назвать другом. Но друзья – для язычников, а в его сердце не должно быть ничего, кроме Бога. Аминь. И пусть Он примет сию кровавую жертву.

Винсент возвращался домой в свой суетливый город, переполненный злом и глупостью. Возвращался с удовольствием. Он был человеком действия, а ведь действовать можно где угодно, в том числе и здесь. Он возвращался с отдыха, мысли его были упорядочены. Отрыв от постоянного места обитания дает возможность взглянуть на собственную жизнь здраво, в особенности, если провести время или хотя бы его часть в относительном отдалении от цивилизации. В крайнем случае, просто поставить палатки на речке в нескольких километрах от ближайшего села.

Винсент многое уяснил в течение последнего путешествия. В частности, он понял, что все сложное на самом деле просто. Допустим, многие люди хотят побывать в волшебных странах, окунуться в сказку. А между тем, к примеру, посетить страну хоббитов, описанную в произведениях Толкина, не составляет никаких проблем. От одесской автостанции “Привоз” ходят маршрутки до как минимум трех городов Шира. Достаточно просто купить билет и поехать.

Поезд, как обычно постояв на одной из станций, где нет ничего, около сорока минут, наконец-то привез Винсента в его родной город. Тот сошел на платформу и, минуя продавцов холодных беляшей с крысятиной, цыганскую семью, встречающую новоприбывших традиционными поцелуями в задницу, идущих под ручку милиционеров и обезумевших попрошаек, машущих иконами, двинул к подземному переходу.

Заехать домой, помыться, перекусить и – по делам. На отдых времени пока нет. Это Винсента не расстраивало, так как свою новую работу в Южном отделе он полюбил всей душой. Когда он стал работать в Конторе, его жизнь наполнилась новым смыслом. Как

резко нынешний род его деятельности контрастировал с бессмысленной растратой времени на предыдущем месте трудоустройства.

Ранее Винсент работал в Академии Безумцев. Устроившись туда, наш герой думал, что среди безумцев ему будет весело, но он прогадал. Это были ужасные времена. Безумцы бегали вокруг него, суетились, пререкались, бесновались, непрерывно мастерили какие-то никому не нужные вещи с таким видом, будто создают нечто по-настоящему великое, бурно радовались, когда им удавалось-таки раз в несколько месяцев впарить кому-нибудь эту дрянь за пару долларов. Винсент устал от этой непрерывной суеты, возни, шума. Кроме того в воздухе постоянно стояла вонь непонятной субстанции, напоминающей блевотину, которую безумцы поедали на обед из чашек, а периодически к ней примешивался и запах человеческих экскрементов, когда кто-либо из его тогдашних коллег радостно дристал в штаны.

***

Закат этого дня Винсент встретил в Пчелином городе. Так назывался один из кварталов Нью-Вавилона, наименее заселенный и наиболее необычный. Дело в том, что однажды в этом квартале с поразительной скоростью, словно из волшебного боба Джека, проросли прямо сквозь асфальт гигантские цветы. В скором времени пчелы, отведав их нектара, также мутировали до столь же исполинских размеров. В квартале появились огромные ульи, воздух заполнило жужжание, по небу постоянно, подобно летающим автомобилям из футуристических фильмов XX века, проносились гигантские насекомые. Естественно, большая часть адекватных жителей в скором времени покинула

Пчелиный город, гонимая страхом и неприятием меняющейся на глазах привычной реальности. Остались лишь отчаянные храбрецы, большую же часть населения квартала вскоре составили сквоттеры – скрывающиеся от закона преступники, революционеры и совсем уж оголтелые неформалы. Люди бежали сюда от ханжеского общества, от ментов и гестаповцев, к свободе, независимости от системы и обилию доступной медовухи.

В центре квартала, на улице Ницше (впрочем, местные жители, как правило, расшифровывали сокращение “ул.” не как “улица”, а как “улей”) располагался рок-клуб “The Cavern”, самое крутое подобного рода заведение в городе. Назван он был в честь того самого исторического подвала, в котором начинали легендарные “The Beatles”, идолы любителей рок-музыки. Впрочем, многие представители Западного и Северного отделов (при поддержке некоторых южан) настаивали на включении как минимум Леннона и Моррисона в пантеон нового поколения богов. Вполне справедливо, ведь рок-н-ролл и язычество – вещи близкие. Поэтому, собственно Винсент был здесь. Он пришел не развлекаться, а отбивать атаку Ордена, запланировавших стереть “Пещеру” с лица земли, совместно с товарищами по Конторе.

Винсент вошел во дворик. Перед входом в клуб он увидел груду хаотично разбросанных каменных глыб. “Видимо, решили устроить стилизацию под японский парк камней, – подумал Винсент, – впрочем, кто его знает, как тот парк на самом деле выглядит”. В незанятом камнями пространстве расположилась публика, большинство выпивало, многие курили. До него донесся обрывок разговора заряжавшихся алкоголем перед концертом посетителей:

– Надеюсь, сегодня хоть обойдется без развалов!

– Эге. Все эти терки между правыми и левыми. Это ж сущий вздор, куда нелепей даже движа футбольных хулиганов. Те в большинстве своем по крайней мере осознают, что их основная цель – выписать кому-либо по ебальничку и отхватить самому, а футбол – это так, предлог. Ну, и легче своих-чужих благодаря символике команд различать. А скины там, коммуняки, они же ведь думают, что сражаются за светлые идеалы. Вот только почему-то не могут уразуметь, что за идеалы воевать-то надо с государством и системой в целом, а не с кучкой таких же неформалов как они.

“Знали бы вы, ребятки, какие развалы нам предстоят сегодня”, – подумал Винсент, и вошел в клуб. Он отправился прямиком в бар, где его уже ожидали товарищи. Винсент взял пива и подсел за столик ко мне, Фиделю и Генриху.

***

Все, кроме Фиделя, были наготове. Тем не менее, учитывая, что охранник был завербован и должен был подать сигнал в нужный момент. Так что пока можно было немного выпить, побеседовать.

– Говорят, – сказал Генрих, – у древних были высокие технологии. Вопрос спорный, так как все то, что осталось от совсем древних, хрен теперь найдешь, а с какого-то времени технологии стали достоянием исключительно герметических сообществ.

– Так все-таки, почему тогда ничего не нашли? – спросил Фидель. – Ведь даже от этих сообществ тоже ведь должно было что-то остаться, а археологи вроде столько всего уже накопали.

– Смотри дружище, допустим, случится с нами какой-то глобальный пиздец. И откопают через тысячи лет представители следующей цивилизации какой-нибудь там электронный микроскоп. Что они подумают? Что это алтарь! Археологи, они что за предмет ни найдут – все предмет культа, что за книгу ни откопают – священное писание. Так нароют, например, в будущем Айзека Азимова или Рэя Брэдбери в лучшем случае, и нате – священное писание нашего времени.

– Технологии были, – вступил в разговор Винсент, – и это факт. Наши недавно нарыли ящичек времен раннего христианства. Темное такое время, непонятно, когда конкретно закончился период славного варварства, и началась вся это средневековая поебень. Так вот, в ящичке гвозди и что-то типа инструкции к ним. Оказывается – набор для распятия. Нашли мы одного отчаянного добровольца, посулило ему начальство хорошую премию, прибили мы его аккуратненько к кресту. И что вы думаете – вмиг оказался где-то в районе Голгофы. Это мы потом уже узнали, когда он из посольства позвонил. Вот такой в те времена был безумный телепорт. До сих пор не понимаем, как это все работает.

– Вот если б так всю гопоту прибить, да на Голгофу отправить, – мечтательно сказал Фидель, – однако, увы, вряд ли удастся избавиться от них таким гуманным методом, придется хуярить.

– Вот ты, дружище Фидель, предлагаешь мочить тупых мудил в спорткостюмах. – Сказал Генрих, отхлебывая сакэ. – Плохая идея.

– Не думаю, – возразил Фидель, – гопники – не люди, без них мир будет чище.

– А хуй вот ты мир от них избавишь. Закон сохранения энергии. Убьешь одних, тут же родятся другие, еще тупее. Вернее, они же, только отброшенные в развитии еще назад, если есть куда, в принципе. Такая себе Лернейская гидра. Единственный вариант – вывести их на более высокий уровень сознания. Но для этого нужна не одна тысяча воплощений, так что не стоит и заморачиваться.

– Так мочить их еще в детстве, и пусть себе раз за разом перерождаются, черт с ними. – Фидель всегда предпочитал решать проблему самым простым способом, и этим мне он нравился.

В бар вбежал охранник:

– Пора, ребята!

Мы поспешили к выходу. Во дворе мы обнаружили несколько десятков “сарацинов”, так мы называли врагов, исповедующих примитивную форму ислама. Огнестрельного оружия я не заметил. “Сарацины”, внешне напоминающие арабов, были вооружены клинками. Видимо, знаменитая дамасская сталь. Те, что внешне походили на кавказцев, и вовсе прихватили кто что, преимущественно ножи, бейсбольные биты и телескопические дубинки. С какой-то стороны грамотно. Кому нужны проблемы с властями? А здесь как бы со стороны будет смотреться не как теракт, а скорее как хулиганская стычка между представителями субкультур.

– Нихуя ж себе, – произнес Фидель. Он, разумеется, не знал, в чем тут дело, что мы видим перед собой представителей Ордена. Фидель и об Ордене-то толком не знал, мы не особенно распространялись о

своей работе, и он полагал, что наша организация – некая смесь культурологов и ролевиков. Однако агрессивные намерения мусульман были очевидны.

– Негоже детям Дажбога бояться черноголовых рабов! – предпринял я попытку поднять общий боевой дух, мысленно готовясь к попаданию в Вальхаллу, и прося Перуна придать мне силы отправить на свидание с Аллахом как можно большее количество врагов.

Фидель настолько подохренел от ситуации, что даже не обвинил меня в расизме. Генрих был спокоен. Что с него взять, на Востоке спокойствие котируется. Однако оказалось, что это была не просто попытка поддержать имидж.

– Пацаны, спокуха, – сказал Генрих, – настало время для “истинной уличной магии”. В смысле для крутых тибетских практик. Вы слыхали, что тибетцы, издавая звуки особой частоты, могут управлять предметами?

Он продемонстрировал это наглядно, достав некое подобие духового музыкального инструмента и принявшись извлекать из него странные звуки. Видимо, частотами Генрих разобрался как следует. Лежащие во дворе камни стали сами по себе подниматься в воздух и падать на “сарацинов”. Воинов Ордена охватила паника, и уцелевшие обратились в бегство с криками “Шайтан! Шайтан!”. Да уж, Тибет – воистину страна чудес. Это способен признать даже такой идейный адепт Северной цивилизации как я.

7

Штаб-квартира христианской части бойцов Ордена Единого Бога располагалась в огромном деревянном

доме, выполненном в стиле средневековой таверны. Освещение было тусклым, оно обеспечивалось только редкими факелами на стенах. Подобное пренебрежение правилами пожарной безопасности символизировало бренность физического мира. Из мебели в огромном зале на первом этаже были лишь грубо выструганные деревянные столы и скамьи да подобная же стойка, на которую ставились вынесенные из кухни постные блюда. Второй этаж здания занимали казармы. Стены кое-где были украшены иконами. Впрочем, изображения святых было рассмотреть практически невозможно. Да это и не требовалось. Ведь никакое искусство не способно передать красоты высших тонких планов, в физическом мире могут существовать лишь ее отблески, которые не должны отвлекать избравшее прямой путь войско Господне.

Расположившись уединенно за одним из столов, Клайв прихлебывал из глиняной чашки дешевый кагор и неодобрительно наблюдал за шумной компанией, сгрудившейся вокруг Васьки Старообрядца, парня лет двадцати двух с кое-как отросшей бороденкой, облаченного в штаны из мешковины, рубаху навыпуск и подпоясанного конопляной веревкой, местного, скажем так, скомороха. Васька рассказывал очередную свою дурацкую историю:

– Значит, дело было так, братцы, вот вам крест. В одной школе детишки, стало быть, решили буханкой хлеба в футбол сыграть. Учительница узрела это, пожурила их, да отвела всю школярскую братию в какой-то свой поганый храм, в котором она жрицей была. Возложили они, значит, хлеб на алтарь. И ну ему молиться. Каждый день она заставляла детей молиться в храм ходить, а там и до кровавых жертв дошло. Стал хлеб тот кровью напитываться, да расти. Вырос он, стал

огромный да кроваво-красный. И вошел в него вместе с кровью жертв невинных дух нечестивый. Выросли у него лапы да пасть, соскочил хлеб с алтаря да съел всю паству того поганого храма, да и служителей всех заодно. Хлеб съел людей, вы только представьте себе, братцы. И много б еще бед было бы от того хлеба, коль наша братия за тем храмом уж давно не наблюдала бы. Окропили мы его святой водицей, так он и сдулся, а кровь в землю ушла, как оно и положено. Разрезали мы хлеб, вытащили покойников оттуда, отпели да земле предали. Они ж, хоть грешники, да тоже люди...

Шумные братья по Ордену отвлекали Клайва от благочестивых раздумий. Но зла он на них не держал. В конце концов, мир материальный несовершенен, и в нем много такого, что человеку вроде Клайва не по нраву. Так, например, ему было не по душе объединение с мусульманами ("сарацинами", как он их называл). Это, по мнению Клайва, были ребята с дешевыми понтами, но без яиц. Или, как говорят американцы, без кишок. О чем наглядно свидетельствовало их недавнее бегство из рок-клуба, вызванное примитивными языческими фокусами. Да еще и представление о Боге у них было каким-то искаженным. Однако старейшинам Ордена виднее, пожалуй. Кроме того, Клайву очень не нравилось, что он не может, как подобает истинному рыцарю, ходить по городу с мечом на поясе без опасений заиметь проблемы с ментами. Особенно же ему было не по душе пользоваться достижениями современной цивилизации как то смартфонами, автомобилями и прочим непотребством. Истинный рыцарь духа, отважный крестоносец и охотник на ведьм XXI века Клайв не боялся ни диких зверей, ни злых врагов, ни самого Дьявола. Однако он робел перед мобильными телефонами, звонки которых повергали его в душевное смятение, сжимал напряженно челюсти и

крепко вцеплялся во все, во что только можно, когда ему необходимо было проехаться на машине, и вообще любое устройство современнее паровоза самим фактом своего существования вызывало у него чувство дискомфорта. Клайв считал, что все эти агрегаты от Лукавого. Лукавый представлялся ему чем-то вроде безумного изобретателя, заполонявшего мир своими скверными творениями.

У Клайва заурчало в животе. Он поднялся, подошел к стойке и взял себе миску овощного салата. Заняв вновь свое место, он принялся за салат, размышляя о строгости поста. “Херня какая-то, – думал он, – не, ну ладно для всяких там конкретных святош, монахов, я понимаю. Пусть постятся, молятся, но мы-то Воины Света. А воинам нужна сила. Опять-таки, в том же Ветхом Завете что за манна небесная падала? Мясо и выпечка, по сути что-то вроде современных гамбургеров. Почему нас гамбургерами не кормить, а?”

В зал вошел Игнатий, ведя за собой какого-то очередного бедолагу. Еще один завербованный. Клайв был наслышан о методах Игнатия, и был от них не в восторге. Глава инквизиции банально сводил людей с ума. Превращал обычных обывателей в безумцев или, как говорил он сам в блаженных. Игнатий втирался к жертвам в доверие, бывал у них в гостях. Он подсыпал им в еду и питье сильное снотворное, и у тех начинали выпадать из жизни целые дни. Использовав множество других извращенных методов. Как-то Клайв услышал, как Игнатий рассказывал об одном из них Шамилю: “Я усыпляю человека, а потом меняю в его квартире все вещи на их зеркальные отражения. У него начинает все валиться из рук. Он видит, что все вокруг него как-то неправильно, и не может понять, что именно. А если и понимает, то не верит. Технологически это, конечно,

сложно, а технологии, как известно, от Дьявола. Но Церковь издавна привыкла использовать Дьявола в качестве своего орудия. Проще всего проворачивать подобные фокусы с трезвенникам. Те, кто избегает фиксации точки сборки в новых положениях, особенно подвержены влиянию, воздействовать на их сознание предельно легко”. Клайв не одобрял эти методы, но осознавал, что не его дело осуждать верховного инквизитора.

8

Уже достаточно давно я жил в офисе. Здесь было по сути все необходимое, даже камин и холодильник. Выяснять, что же случилось с моим старым жильем, не хватало то времени, то желания, приобретать новое, погружаясь в бесконечную суету (новоселье, покупка мебели, наведение порчи на соседей) – тем более. Поэтому если вечером я не был на задании или на какой-нибудь тусовке, я либо расслаблялся в одиночестве у себя в кабинете, либо шел в бар Северного отдела. В этот день я выбрал второй вариант.

Что случилось со старым барменом, я не знал, скорее всего, что-то нехорошее. Но мне об этом никто не рассказывал, а сам разыскивать очевидцев происшедшего я не стремился. Так или иначе, он исчез незадолго до моего принятия в штат Конторы, а никого другого на его место так и не взяли, доверив разлив напитков роботу. Эта железяка достаточно уныла. Со своими прямыми обязанностями справляется неплохо, а вот, скажем, разговаривать или показывать фокусы не умеет.

Не то, чтобы я был так уж против использования роботов в качестве персонала. Более того, допустим, в

магазинах или фаст-фудах, полагаю, только их и надо ставить. Причем, таких же “социопатов”, как этот. Раздражает, когда приходишь, скажем, купить продуктов или пожрать, а продавец тебя узнает, начинает вещать какие-то глупости, задавать идиотские вопросы, советовать, что тебе купить, или напротив, совать товар, не спрашивая, ориентируясь на твои привычки. Его задача – выслушать мои пожелания и как можно скорее, без лишних разговоров, их реализовать. И никак иначе. Из-за такого вот персонала приходится периодически переставать закупаться в том или ином месте, так как панибратство выводит из себя. К счастью, я практически не хожу в фаст-фуды, а еду и вещи предпочитаю заказывать в Интернете.

Бар же – совсем другое дело. Здесь знакомство с барменом, поддержание с ним ненавязчивого разговора – штука вполне естественная. В конце концов, поход в питейное заведение – это не обязательная рутина, а осознанный выбор времяпровождения, а бармен – не просто обслуживающий персонал, а как бы действующее лицо в этом жизненном спектакле.

Я заказываю стакан виски со льдом, делаю глоток и чувствую, как мысли начинают приходить в порядок. Вспоминаю последние события. Вчера у нас было общее собрание. Оно проходило в актовом зале, расположенном в одном из подземелий под компасом. Помимо надземной части у нас есть немалые подземные территории. Это не удивительно, ведь во всех традициях подземный мир занимал особое место, будучи обителью тайны и мудрости. Там я впервые повидал главу Конторы, Мстислава Землеченко. Он занял этот пост достаточно недавно, уступив свое предыдущее место главы Северного отдела Гримниру. Его предшественник был представителем Востока, и,

поговаривают, попросту свалил из этого мира по стопам Ситтхартхи Гаутамы. Землеченко произнес достаточно интересную речь, особенно мне запомнились его слова о цивилизации:

– Мы далеко не первая цивилизация на земле. Полагаю, что и не последняя. До нас дошли легенды о Гиперборее, Атлантиде, Лемурии, континенте Му. Поверьте, вместе с упомянутыми существовало и немало цивилизаций, не оставивших следа даже в легендах. Говорят, что если свершится глобальная экологическая катастрофа, выживут немногие из видов. И последний вид, который останется на планете после гибели остальных – тараканы. Уверяю вас, это не так. Люди еще более живучие твари, чем тараканы, они могут приспособиться решительно ко всему. Человечество практически бессмертно, а вот цивилизация – вещь хрупкая, ее легко уничтожить в считанные десятилетия, и никакие природные катаклизмы на самом деле не нужны. Так представители деструктивных религий запросто стерли с лица Земли цивилизацию античности. И главная наша, представителей конструктивных религиозных течений, задача – не допустить подобного впредь, спасти культуру, спасти всю ту окружающую нас красоту, созданную человеческим гением. Да будет силен наш дух, да помогут нам боги.

А еще на том собрании я познакомился с Фригг, барышней с волосами цвета снега и глазами цвета льда. Она – персонаж в Конторе легендарный. Уехав в длительную командировку на север России, она исколесила сотни поселений, забираясь порой в такие места, куда еще не ступала нога представителя постиндустриальной (да и, вероятно, индустриальной) цивилизации. Сперва от нее периодически поступали

отчеты об ее общении с местными шаманами, затем связь с Фригг оборвалась – она потерялась где-то в Карелии на два года. Поговаривают, что она гостила в подземных городах у чуди белоглазой, народа, покинувшего поверхность много веков назад. Но наверняка никто не знал.

Кстати, вот и Фригг. Похоже, она тоже решила выпить этим вечером. Девушка заказала механическому бармену стакан водки со льдом, отпила глоточек и подняла на меня взгляд своих ледяных глаз.

– Привет, подруга.

– Здоров, новичок. Как жизнь? Как тебе человек без отчества?

– Это кто такой?

– Ну, шеф наш. Или ты не знаешь его историю?

Я не знал.

– Землеченко, к твоему сведению, человек уникальный. Ну, то есть уникального народу вообще-то много, но этот совсем необычный, не такой как мы. Он – сын Матери Сырой Земли.

– Вроде Альрауне, что ли?

– Есть что-то общее, да не совсем. Однажды в далеком глухом селе местная знахарка сделала одной бабе аборт. Да плод так и закопала в лесу. Между тем тот продолжал развиваться, вскармливаемый Землею-Матушкой, и наконец-то сформировался во вполне здорового младенца. Так и появился на свет Мстислав

Землеченко. Воспитывали, его местные лесные фэйри, мавки да лешие.

– Небось, знает язык зверей и растений? – Поинтересовался я.

– Не без того. Кого попало, сам понимаешь, Конторой руководить не поставят.

– Ты это серьезно, что ли? – изумился я.

– А я похожа на несерьезного человека?

– Ну, чтобы разыгрывать окружающих не обязательно быть на кого-то похожей.

– Ок, принято. Но все так и есть.

– Кстати, о серьезном, Фригг. У меня тут такой вопрос. Ты, поговаривают, имеешь большой опыт путешествий по Нижнему миру.

– Ага, заглядываю туда время от времени.

– А что ты используешь? Шаманский бубен? Какие-то специальные записи?

– Ну, – улыбнулась Фригг, – как правило, мне вполне хватает музыки Ника Кейва.

Часть 2. Падение Ордена

1

Шли дни, месяцы. Скучать в Конторе не приходилось. Деятельность была настолько необычной и разнообразной, что упорно не хотела превращаться в будничную. Со временем она не только открыла мне непривычные грани нашего мира, но и распространилась за его пределы. Все началось стандартно – Гримнир пригласил меня к себе. Он был в кабинете не один, компанию ему составляла моя новая знакомая Фригг. Похоже, их разговор был закончен, но уходить Фригг не собиралась. Она удобно устроилась в кресле и потягивала какой-то дикий коктейль, как всегда, со льдом и большой концентрацией спирта. Гримнир угостил меня элем и быстро перешел к делу. Меня отправляли на поиски пропавшей сотрудницы Конторы. Вот как ее охарактеризовал шеф:

– Вконец помешалась на кельтской мифологии. Взяла себе имя Морриган, в честь их темной богини. Потом начала копировать ее стиль. Все бы ничего, да вдруг что-то втемяшилось ей в голову, умыкнула ценный артефакт и сделала ноги. Следы ведут в Етунхейм. Кстати, по скандинавской космологии ты, знаю, прошарен. А вот о Морриган, богиня которая, много знаешь?

– Ну, так в общих чертах.

– Смотри мне! – рассмеялась вдруг Фригг. – Увидишь там ворона, подумаешь, типа Один решил за тобой проследить. А на деле это Морриган и есть. В обличье своей фюльгьи, простите мне мой германо-скандинавский. Огам знаешь?

– Как-то не очень. У друидов не обучался.

– Запиши в блокнотик и прихвати с собой, пригодится.

– Совет, между прочим, дельный, – сказал Гримнир, – но продолжим. Похищенный артефакт – это сосуд Одрерир с медом поэзии.

– Ну, как же, та самая Кровь Квасира, которую Один в обличье орла частично выблевал, частично высрал. Поговаривают, оттуда и пошло выражение “сидеть орлом”.

Фригг усмехнулась в бокал. Гримнира шутка не особо развеселила:

– На самом деле, не суть важно. Артефакт этот не такой и ценный, как может показаться, просто вштыривающее пойло. Имеет скорее ритуальное значение. Вернуть его, конечно же, не мешало бы, но более интересно, как будет действовать Морриган. Что у нее в голове, какие цели она преследует.

Етунхейм, значит. Ну, не самый еще опасный вариант, не Муспельхейм с Нифльхеймом. Вот бы вышла Песнь Льда и Огня. Как у старины Джорджа Мартина. Или как у Ганса Гербиргера. Впрочем, вероятно, этот то ли ученый, то ли лжеученый спер идею у своих далеких нордических предков, за что и снискал одобрение верхушки Третьего Рейха, благоволящей к Северной традиции. Етунхейм. С чего-то же надо начинать.

– И как я туда попаду? В страну турсов? – Поинтересовался я.

– С помощью ключа, – ответил Гримнир. – Что ты знаешь о ключах?

– Ну, есть, например, ключи от дверей. Помню, у меня в детстве был ключ от какой-то неизвестной двери. И как-то внезапно прямо с потолка мне упал другой, такой же. Я все думал, от чего же они. Решил, что один от входа, а другой от выхода. Но вот что это за вход и выход – вряд ли когда-нибудь узнаю, так как потерял их давным-давно. Тем более потерял у себя в квартире, которой теперь почему-то не существует. Но пойдем дальше. Есть еще ключи, бьющие из-под земли. Родники другими словами. Есть ключи к решению проблем, ключи к пониманию.

– И все они открывают нам что-то новое. В том числе и те, что из-под земли. Все живое состоит из воды. Она – кровь Матушки-Земли. Один из основных элементов во всех мирах. Мертвая вода останавливает процесс, живая дает жизнь, источник Урд дает знания. Поэтому при помощи такого ключа и определенного ритуала ты запросто доберешься по ветвям мирового ясеня Иггдрасиля куда тебе надо.

2

И вот меня отправляют черт-те куда искать спятившую ведьму. Задача, которая куда лучше подошла бы Генриху. Он всегда предпочитал странных женщин. Не припомню, кстати, чтобы отношения с какой-либо из них зашли дальше совместных прогулок. "Не стоит впускать в наш общий мир ни капли быта, - говорил Генрих, - тогда вся романтика исчезнет, все волшебство улетучится”.

Я сидел в баре “Каверны” (желания пить в Конторе не было, хотелось отстраниться от своих проблем, пообщаться с человеком непричастным) и потягивал пиво из кружки. К столику подошел Фидель. Мы заказали водки, солений, выпили по первой и Фидель, закуривая, спросил с иронией в голосе.

– Ну что, Варг, познал загадки природы? Попутешествовал по параллельным мирам?

– А мы все по ним постоянно путешествуем, – ответил я.

– В смысле?

– Знаешь, откуда появились мифы о всяком там рае, аде, чистилище?

– Их придумали попы, чтобы стричь купоны с доверчивых прихожан.

– Ты в этом прав, чувак, да не совсем. Эти мифы основаны на реальных событиях. Есть реально мир, где все пиздато, и мир, где все ужас как хуево. Но они, представь себе, тесно переплетаются между собой…

– Образуя такую себе веревочку, – усмехнулся Фидель.

– Ну, они ж не твердые. Скорей такой себе полураствор, полусмесь. Вот ты замечал, вроде все в жизни у тебя хорошо, и вдруг резко – начинает одно за другим всякое говно происходить, и все твои успехи как бы уже и не успехи, да и вообще неведомо откуда возникает куча грузняка и головняка. А потом нахуяришься, например, или просто проспишься, и вдруг оказывается, что практически все твои проблемы

– и не проблемы вовсе, а так, мелкие трудности, большинство из которых решаются сами собой. Почему, кстати, важно нахуяриться, когда тебе паршиво. Точка сборки смещается в другое положение, и есть немалый шанс, что сместится именно куда надо. Говорят, что алкоголь проблем не решает, а на самом-то деле случается, что и решает.

– Ну, это наверно, просто вопрос восприятия.

– По сути все наше существование – вопрос восприятия. Мы воспринимаем мир искаженно, как линейный поток времени. В то время как время – это вовсе не поток, оно скорей как спокойное озеро, или че-то типа того. Знаешь, почему мы не помним свои прошлые жизни?

– Наверно, потому что нет никаких прошлых жизней, – улыбается Фидель, начисляя еще по одной и извлекая сигарету из портсигара с изображением Эрнесто Гевары, – мы живем один раз, потом умираем и пиздец. Просто миф о собственной уникальности заставил нас поверить в бессмертие души, а на самом деле мы нихуя не уникальней вот этой сигареты или вот этого стопаря водки. Разве что пиздим больше, но это вряд ли достоинство.

– Не, дело не в том. Просто наш мозг не может перестроиться с линейного восприятия. Ведь наши прошлые жизни, они ж не обязательно в прошлом, могут же быть и в будущем, и наоборот, следующие могут быть где-то во времена Македонского. Если он вообще был. Ведь известно, что история – это тупо предание, мы нихрена не можем сказать, что было, скажем, даже сто лет назад, не говоря уже о том, что было в далеком прошлом.

– Как жизни вообще могут быть прошлыми и будущими, если ты утверждаешь, что прошлое и будущее – это только наше восприятие?

– Ну, в нашем восприятии могут. А кроме нашего восприятия для нас по сути и нет ничего.

– Круто, – улыбается Фидель, – значит у меня еще есть шанс попасть на Вудсток.

3

Клайв сошел с электрички и отправился дальше пешком. Прямо по лесу, идти по проложенной современной дороге не хотелось, а направление он знал хорошо. Да, дорога была сама по себе жизненной необходимостью, но по ней ездили автомобили, начиненные мерзопакостными дьявольскими устройствами, громоздкие, выпердывавшие из своих выхлопных труб зловоние. Клайв не признавал более сложных металлических устройств чем меч или, максимум, водопровод. Идти по лесу среди всего сотворенного Богом великолепия было приятно, можно было размышлять о вечном, либо ни о чем не думать, просто воспринимая прекрасную природу вокруг. К сожалению, дорога до поместья Игнатия, где Клайва ждали дела Ордена, была чересчур короткой, чтобы сполна ей насладиться. Однако надо было спешить – задание, судя по всему, было срочным, а получить удовольствие от прогулки по лесу Клайв еще успеет, если, конечно, ему не придется вскоре принять смерть за веру.

Загородный особняк у Игнатия был огромным. Впрочем, это вовсе не говорило об его стремлении к роскоши. Верховный инквизитор жил в небольшой

скромной келье, все остальное место занимали гостевые комнаты, комнаты для медитации и молитвы, лаборатории, в которых он ставил свои опыты. Клайва Игнатий встретил не в самом особняке, а в одной из прилежащих построек, напоминавшей огромный хлев. В стойлах в хлеву были прикованы цепями грязные заросшие люди с безумными взглядами. Кто-то из них пел псалмы, кто-то шептал молитвы, один жадно пожирал отруби из глиняной миски, зарывшись в нее лицом.

– Вот они, – с гордостью сказал Игнатий, – старцы-чудотворцы, принявшие обет аскезы. Господь наделил их воистину уникальными способностями. Каждый из них стоит куда больше, чем все вместе взятые излюбленные сарацины Шамиля, чье малодушие, ты, Клайв, уже, полагаю, мог оценить.

– А почему они прикованы?

– Видишь ли, это часть епитимьи, наложенной ими самими на себя. Без этого они бы не достигли таких высот. Их сила в их удивительной вере и самоотречении. Но в этом же в то же время и их слабость. Вот зачем мне понадобился ты.

– В чем же я лучше их, – спросил Клайв, – сильнее физически?

– И это тоже. Но главное – ты не настолько благочестив. И не настолько предвзят к нашим врагам. Я собираюсь послать тебя в Етунхейм. Старцы бы просто не смогли туда попасть, так как не способны поверить в его существование. Для них это ересь и мракобесие. Тои взгляды более широки, ты справишься.

– Етунхейм, – Клайв призадумался, – это страна великанов из скандинавских сказаний. Я отправляюсь сражаться с великанами.

– Нет, – ответил Игнатий, – тебе, скорее всего, не придется с ними сражаться. Твое дело – разведка. Контора зачем-то посылает туда своего человека. Твоя задача проследить за ним, выяснить его планы. Если его деятельность всерьез будет способствовать укреплению силы наших врагов, возможно, придется его устранить. Вот, держи, здесь подробные инструкции.

Игнатий достал из кармана конверт и передал его Клайву. Тот помолчал некоторое время и сказал:

– Прежде чем я уйду, можно вопрос? Не относящийся к делу.

– Спрашивай.

– Почему именно “Контора”? Почему они называются так?

– Я не могу ответить тебе наверняка, – сказал Игнатий, – вероятно, дело в том, что они пренебрегают духовностью, углубляясь в материальный мир и уделяя слишком много внимание запретным наукам. Мы служим господу, они же служат любопытству и своим низменным желаниям. А теперь – иди. У тебя не так и много времени.

Клайв вышел. Игнатий достал мобильный телефон и набрал номер:

– Здравствуй, Шамиль… Я послал Клайва… Да, уверен… Да, он не до конца понимает наши цели и

идеалы, но это и хорошо… Почему хорошо? Наиболее ревностно люди относятся к соблюдению тех правил, которые они не понимают, уж поверь моему опыту.

4

После пары недель чтения текстов о Етунхайме и медитации на его образах, Гримнир отвел меня в достаточно живописное местечко в огромной балке неподалеку от какого-то села. Это была площадка у водопада, к которой мы не без усилий добрались по скалам. Ритуал оказался настолько простым, что это даже где-то немного разочаровало. Видно, Гримнир был магом такого уровня, что ему не требовались для изменения ткани реальности какие-то помпезные внешние эффекты. Он просто зажег огонь, бросил туда какие-то сушеные травы, кажется, смесь бузины с чем-то еще. Затем, подождав, пока они прогорят, плеснул на костер воды, и нас окутало облако пара. Гримнир нарисовал в потоке рукой необходимую последовательность рун, схватил меня за шиворот и швырнул в водопад. К счастью, портал у него получился на славу, и я, вместо того, чтобы удариться о скалу, полетел куда-то вперед. Единственное, что пошло не по плану – это то, что у меня, как я потом узнал, появилось сопровождение. Не успел Гримнир запечатать проход, как из-за соседней скалы выскочил парень с мечом и в кольчуге и стремглав бросился вслед. Его попытка была успешной, и он тоже нырнул в образовавшийся в водопаде портал. Гримнир на мгновение призадумался, пробормотал что-то вроде “ну, успехов”, и запечатал проход.

5

Пройдя через портал, я оказался в огромном поле из засохшей лавы. Вдали виднелся какой-то небольшой архитектурный объект странной формы, еще дальше – похоже, лес. Я начал вспоминать, что мне известно об этой земле. В голову сразу же почему-то пришел миф о том, как етуны слепили из глины что-то вроде своего варианта голема, который должен был помочь Хрунгниру в битве с Тором. В мастерстве создания големов етуны явно уступали евреям, так как несчастное создание оказалось способно только на то, чтобы обмочиться и быть убитым мальчиком Тьялви, прислуживавшим громовому божеству. Затем по пути к необычному архитектурному объекту я вспомнил историю о том же Торе, который принял за хижину рукавицу одного из великанов. Мысли, как известно, далеко не всегда возникают на ровном месте, и, подойдя ближе, я понял, что то, что я принял за постройку, на самом деле гигантская рукавица. Вот интересно, как преобразовывался этот мотив в народном творчестве. В украинском фольклоре, скажем, все еще рукавичка, но уже далеко не такая большая. И вместо Тора со спутниками там уже всякие лягушки-квакушки. А в русские сказки все эти лягушки и мышки перекочевали, а вместо рукавички откуда-то возник теремок. Ну, да ладно, заглянем внутрь.

Внутри оказалось существенно свежее, чем я думал. В принципе, и с чего бы было не свежо, помещение ведь вентилируется, а рукавица давно не использовалась. Ну, да детали туалета просто по определению не могут ассоциироваться со свежестью, поэтому и ощущения странные. Я огляделся. Внутри был только деревянный топчан и какая-то деревянная табличка с резными символами. Я аккуратно зажег огонь на зажигалке и обнаружил еще одну интересную деталь – лабиринт, нарисованный на стене (т.е. на

внутренней поверхности рукавицы). Впрочем, нарисован он был, по всей видимости, от скуки, поэтому я не стал к нему присматриваться, а сконцентрировал внимание на символах на табличке. Я узнал огам. Значит, похоже, я напал на след, посмотрим, что здесь написано… “Catch the Rainbow”. Вероятно, это не просто название песни. Здесь должен быть какой-то глубинный смысл.

Больше, похоже, внутри делать было нечего. Тем более, с улицы начал доноситься гул. Он примешивался к леденящему скрежету, доносившемуся со стороны леса, о котором я забыл упомянуть. Скрежет, вероятно, объяснялся тем, что, согласно мифам, этот лес был железный.

Я вышел из рукавицы и увидел парня в кольчуге с двуручным мечом в руках. Он шел прямо мне на встречу. Кого-то он мне напоминал – похоже, один из псов Игнатия. Эге, а я-то безоружен, эдак и в капусту порубит, крестоносец хренов. Впрочем, смотрел он куда-то мимо меня. Я обернулся в сторону леса и узрел нехилый отряд женщин-троллей верхом на огромных волках. Они направлялись в нашу сторону. Крестоносец, гордо подняв голову, двигался к ним на встречу, размахивая мечом.

Похоже, этот отважный безумец будет вскоре пировать в чертоге Одина. Да, он, вероятно, христианин, но в Вальхалле не особо смотрят на вероисповедание. Тем более, христианин, полагаю, условный. Просто парень, подсаженный на средневековую романтику. В чем-то заслуживающий восхищения, несмотря на то, что изначально примкнул к избравшим путь разрушения.

В мои же планы скорый визит к Вальхаллу не входил, у меня была еще куча в Мидгарде. А как туда попасть? Я осмотрелся по сторонам, и увидел вещь, еще более удивительную, чем женщины-тролли из Железного леса – радугу, упирающуюся в землю. Видимо, тот самый знаменитый мост Бильрест. Что ж, настало время поймать радугу, как завещала Морриган. Вперед.

6

Мы расположились в баре Конторы, я, Генрих и Винс. Я рассказываю о своих приключениях в Етунхайме. Рассуждаем о судьбе того парня из Ордена. Скорее всего, он мертв, но Генрих сомневается:

– Кто сказал, что эти бабы из Железного леса его завалят? Может они его на пир решили пригласить?

– По их виду не скажешь.

– По виду сложно что-либо сказать. Часто самые ужасные вещи выглядят вполне безобидными и наоборот – то, что нас пугает, на самом деле не таит никакой опасности. – Генрих с довольным видом прихлебывает саке.

– Да, согласен. Тут еще вопрос восприятия. Вот, например, детей в детстве бабаем пугают, а меня им напугать было невозможно. Реально ведь слово смешное – “бабай”. Ну, как можно бояться кого-то с таким именем. И вообще, кто его знает, куда он детей утаскивает. Может, куда-то в замечательное рок-н-ролльное место. Не зря ведь в англоязычных странах его называют “boogeyman”. От слова “boogie-woogie” (ну, или наоборот).

– А как они выглядели? – Интересуется Винсент.

– Ну, как троллихи выглядят. Здоровенные такие, уши большие. Я, знаешь ли, не мастер описывать внешность. Меня описания внешности в книгах, например, всегда смешили. Так когда я читаю, что у персонажа длинный нос, он представляется мне настолько длинным, как будто речь идет о Пинноккио, решившем заняться политикой. О всяких там носах картошкой или пуговкой, квадратных лицах и прочем лучше вообще даже не думать. Книги для меня просто кишат уродцами.

– Кстати, Варг, – переводит тему Генрих, – что ты думаешь о так называемом птичьем языке?

– Полагают, что птичий язык – изначально сигналы, имитирующие голоса птиц, которыми обменивались разведчики. Но предание говорит, что некоторые люди действительно понимали речь птиц (например, Один, Сигурд). Естественно, птицы сами по себе не вели каких-либо содержательных разговоров, тем более касающейся жизни людей. Однако они служили как бы биопередатчиками, которые использовали древние. Так, как корова была запрограммирована на то, чтобы есть, давать молоко и быть зарезанной на мясо, птицы были запрограммированы на передачу информации. Этим можно объяснить и легенду о воронах Одина (хотя есть и альтернативные трактовки, например, что ворон – его фюльгья).

– Но птицы же в основном тупые. Почему бы не доверить передачу более умным животным. Например, котам или ослам? – Удивляется Винс.

– Что тупые – это только плюс. Они не анализируют информацию, просто выдают ее не задумываясь. Поэтому можно избежать ее искажения. Кроме того, умных животных существенно сложней программировать. Тех же котов, например, даже в разы сложнее, чем людей. Плюс – скорость передачи данных, птицы перемещаются достаточно быстро.

– Совершенно верно, чувак, – одобрительно кивает Генрих, – я, кстати, эту технологию активно тестирую. Сейчас продемонстрирую.

Генрих закрывает глаза и замолкает, по всей видимости, посылая мыленный сигнал. В бар впархивает небольшая птичка с коротким торчащим вертикально хвостом, садится ему на плечо и начинает что-то щебетать ему в ухо. Закончив передавать сообщение, она улетает.

– Любопытные вести, народ, – сообщает Генрих, – в Ордене разворачивается междоусобная война. Игнатий взбунтовался против Шамиля.

– Ставлю на Игнатия, – говорю я, – в отличие от Добронравова он хоть и псих, но не идиот.

– А что будем делать мы? – спрашивает Винсент.

– Мы займемся моим любимым делом, – с улыбкой отвечает Генрих, – будем сидеть и созерцать, не вмешиваясь.

7

Игнатий вошел в огромное здание склада из металлических панелей на окраине города. Снаружи малопримечательная постройка таила в себе воистину

удивительное содержание. Как мы уже знаем, Игнатий не был взыскателен ко внешним проявлениям. Все три этажа здания, и еще три подземных занимали лаборатории, в которых выводили бойцов для его новой армии, и казармы для них. Втайне от высшего руководства Ордена Игнатий нанял лучших мировых генетиков и алхимиков и готовился к перевороту. Ему наскучило убожество, в которое скатился Орден, эти толпы юродивых, травящие идиотские байки за стаканом мерзкого пойла и шарахающиеся от каждого проявления магии. Надоело отупевшее ханжеское руководство со своим эклектично-нелепым пантеоном. Хотелось истинного величия.

Отряд мучеников на загородной ферме был детской шалостью по сравнению с теми существами, что пополняли наш мир здесь, в Бестиарии. Игнатий последовательно обошел все три этажа, благожелательно улыбаясь ученым, слушая их доклады о результатах работы и созерцая плоды их деяний воочию. Надо сказать, они достигли потрясающих успехов, и армия тварей уже была практически готова.

Третий и второй этажи здания были отведены для клонов антропоморфных существ. Здесь Игнатия ждали астонии, люди без рта, питающиеся запахами. Их удивительному обонянию позавидовал бы сам Жан-Батист Гренуй. Компанию астониям составляли безголовые блемии, нос, рот и глаза которых находились на груди, и скиаподы – прыгучие одноногие люди с огромными ступнями, уродливая копия героев сказки Клайва Льюиса.

Первый этаж был предназначен для нужд персонала. Здесь находились столовая, общая гостиная, санузлы и комнаты отдыха. А вот спустившись на

грузовом лифте на первый подземный этаж, уже можно было наблюдать в помещениях за толстым бронированным стеклом оживленных героев мифов. Здесь были огромные единороги со слоновьими ногами, лошадиными туловищами, оленеподобными головами и хвостами, как у вепря. Они ревели низкими голосами, угрожающе выставив в сторону наблюдателей большие, более чем метровой длины, толстые черные рога. В другом вольере двупалые рогатые сциталисы с длинными хвостами и шеями и завораживающими гипнотическими узорами пятнистой шкуры, спокойно лежали, поджав ноги, и ждали, пока кто-то из людей заглянет к ним на огонек, завороженный их красотой.

На втором подземном этаже обитали еще более удивительные существа. Мирмиколеоны – гигантские муравьи с львиными головами. Жили они недолго, так как муравьиные органы в конце концов не справлялись с львиной пищей. Но это делало их и куда более свирепыми. Были здесь и амбисфены – ядовитые ящеры, одна голова которых располагалась на шее, а другая – на хвосте, и бонаконы – быки с конской гривой и рогами загнутыми назад, метающие на несколько метров обжигающий ядовитый навоз. Впечатляющее зрелище представляли собой анталопы – эклектические порождения средневекового безумия, сильные звери с телом антилопы, головой тигра и пилообразными рогами, которыми они способны были пилить деревья. Не менее удивительным существом можно назвать и левкрокоту – быстрое животное с оленьими ногами, львиными грудью и хвостом и барсучьей головой с огромной пастью и челюстями в виде одной сплошной кости. Помимо своей необычной внешности левкрокоты интересны и тем, что они способны подражать человеческой речи.

Самый нижний этаж был отведен исключительно для любимиц Игнатия – мантикор. Существа кроваво-красного цвета с львиным телом, большим скорпионьим хвостом и лицом человека. Стремительные людоеды с голубыми глазами и дивным голосом, напоминающим смесь звучания трубы и флейты.

8

Шамиль Добронравов читал свою традиционную воскресную проповедь в специально выстроенном для этого зале. Это было огромное помещение со стенами, расписанными ликами святых, цитатами из Библии и стихами из Корана. Аудитория проповедей зачастую превышала суммарное количество прихожан всех монотеистических храмов города. Горожанам нравилось чувствовать себя причастными к особой духовной миссии Ордена.

Шамиль проповедовал со сцены вдохновенно, обильно сыпля цитатами из священных писаний, не особо вникая при этом в их смысл. Он не ставил себе задачу чему-то научить последователей, единственной целью было поддерживать их покорность. А общеизвестно, что люди наиболее тщательно соблюдают те правила и наиболее рьяно отстаивают те идеи, которые не понимают.

Добронравов хотел, чтобы его воспринимали как великого библейского пророка. Его не волновало, что в сознании воспитанных на медийной культуре обывателей образ пророка был практически неотличим от образа телевизионного американского проповедника второй половины XX – начала XXI веков. Так было даже проще. Выкурить утренний косячок и вещать убедительным голосом высокопарные фразы,

периодически прерываясь, чтобы послушать восторженные аплодисменты.

В это воскресенье было что-то не так. В публике было что-то неправильное. То тут, то там Шамилю попадались на глаза лица, которые явственно выделялись из общей массы. Старческие лица, грязные, с всклокоченными бородами. Вроде бы ничего необычного – обыкновенные бомжи и опустившиеся одинокие пенсионеры, коих среди его аудитории всегда было немало. Однако что-то было неправильное в их взглядах. Никакой усталости, никакой надежды, никакой тоски. В глазах стариков словно бы попеременно вспыхивал огонь церковных лампад, чередуясь с холодной синевой небес. В глазах этих людей будто мелькали облака и плясали языки пламени. Они не аплодировали, не внимали сладкоголосым речам оратора. Они глядели на Шамиля с презрением, некоторые что-то при этом бормотали, один мужчина с улыбкой загонял себе иглы под ногти, еще один задумчиво жевал сырую немытую картофелину.

Добронравов, хоть ему и было не по себе, продолжал проповедовать. Без запинок, только голос его звучал несколько громче, чем обычно. Он вещал, пока не был заглушен непонятно откуда взявшейся музыкой. Словно из ниоткуда раздался звук церковного органа, невпопад с ним вступили духовые. Орган звучал бы бесподобно, если бы не звуки труб, в которые словно бы гудели глухие безумцы.

Это был сигнал. Необычные старики поднялись со своих мест и неспешно двинулись к сцене. Шамиль интуитивно понимал, что лучше бы ему поскорее убраться подальше, но против воли замер неподвижно. Старцы обступили его, повалили на пол и принялись его

бить. Кто чем: кто цепями, кто сучковатой палкой, кто просто ногами. Аудитория безмолвно взирала на происходящее.

9

Толпа пьяных парней в грязных рубищах приближалась к университету. Они вразнобой орали псалмы, били в бубны, размахивали кадилами с дымящимся ладаном и передавали по кругу ведра с сильно разбавленным спиртом кагором. Возглавлял шествие Васька Старообрядец, молодежь из Ордена шла к университету бить студентов.

Когда они дошли до университетского двора, Васька подошел к статуе основателя заведения, демонстративно плюнул на нее и сморкнулся, зажимая одну ноздрю. Затем он влез на расположенный у входа парапет со статуей льва и обратился к товарищам:

–Всыплем-ка, братцы, растреклятым студентишкам по самое оно. Они ж, вестимо, язычники все и сатанисты. Понавыучивают у себя в университетах всякой хуйни, и расходятся по миру, переполненные вредных знаний и умений. Ходят, и пудрят добрым людям мозги, вещая о всяческом там космосе и прочей бесовщине. Выпускают книги с искаженными фактами. А ведь мы-то с вами знаем правду, братцы. Знаем, что Магеллан никогда не совершал никакого кругосветного путешествия, а сверзился, дурень, в бездну с края земли. Нам прекрасно известно, что Гагарин не летал ни в какой несуществующий космос, а расшибся о небесную твердь!

– Верно, Васька! – закричали из толпы. – Не нужно нам этих их образованиев, чтоб правду знать!

– Вы гляньте на этого льва, – продолжал Старообрядец, указывая на статую, – что за богомерзкое изваяние. Кому, кроме бесстыдных язычников придет в голову делать львиное изображение с лицом, столь напоминающим человеческое. Это ли не признак поклонения Зверю?

В ответ на это статуя открыла рот и пропела мелодию голосом, напоминающим флейту. Через миг огромный скорпионий хвост воткнулся жалом в грудь Васьки. Мантикора оскалилась, глядя на шокированную публику.

Борцы за святую веру попятились, и стоявшие сзади наткнулись прямо на рога единорогов. Из здания университета вышел Игнатий. Он придержал дверь, выпуская следовавших за ним еще нескольких мантикор, анталопов и мирмиколеонов. Началась кровавая бойня. Великий инквизитор глядел на действия своих созданий с легкой улыбкой, тихо читая благодарственную молитву.

10

Пришло время уходить, Игнатий осознавал это. Он распил прощальное ведро освященной водки с юродивыми старцами, выписал щедрое выходное пособие научным работникам, отписал имущество Ордена монастырю и сердечно распрощался с мантикорами, благословив их и всех остальных созданных его подручными тварей плодиться и размножаться. По крайней мере, тех, кто был на это способен.

Позади была львиная доля его жизни, проведенная за вербовкой сумасшедших, пытками,

интригами, войной и бессмысленными попытками возвеличиться, переполненная религиозным лицемерием, ложью и подлостью. За всей этой возней Игнатий так и не нашел свой Священный Грааль, да и вообще не добыл ничего ценнее малополезного праха сгоревших ангелов.

Лишь на склоне лет инквизитор обрел ясное понимание того, что только личные переживания даются нам Богом, а все переживания, связанные с социальными взаимодействиями – от Дьявола. Борьба за власть, влияние и статус является отравой для души. Растворяясь в этом болоте, человек постепенно перестает замечать естественные радости жизни.

Игнатий намеревался совершить долгое пешее путешествие в обход кишащих суетой городов по лесам, горам и пустыням, а затем осесть где-нибудь в уединенном ските и провести остаток своих дней в посте и молитвах. Впервые за всю жизнь он чувствовал себя свободным.

11

Я понятия не имел, где мне искать Морриган, но она нашла меня сама. После долгого отсутствия ведьма зашла во внутриконторскую соцсеть и скинула мне в личку песню “Norwegian Wood”. Вряд ли речь шла о Норвегии, я там так и не успел пока побывать, хотя давно собирался. Да и слишком уж много привязок к Скандинавии как для фанатки кельтов. Родина “The Beatles” тоже отпадала. Мерсисайд – это не Корнуолл какой-нибудь. Единственное, что приходило на ум, это так называемые Фьорды в Нью-Вавилоне. На самом деле они представляли собой побережье замусоренной городской речушки неподалеку от гипермаркета, в

котором тусовавшаяся там публика затаривалась бухлом, и настоящие фьорды напоминали весьма условно. Лесом с натяжкой можно было назвать посадку между гипермаркетом и водоемом. Попытка – не пытка. Я набрал полный рюкзак дешевого ирландского вискаря и поехал туда.

На Фьордах все было как обычно. Разрозненные компании гопников, неформалов и бывших неформалов, много мусора среди редких деревьев. Я нашел более-менее уединенное место, устроился на пеньке и принялся за виски. Я не знаю, сколько времени я так сидел, прикладываясь к бутылке и глядя на отражение луны в воде. Часы служат только для приблизительной синхронизации действий, по-настоящему же измерить время невозможно. Как говорит Генрих, это просто стакан виски в руках Будды. Именно поэтому оно течет столь неоднозначно для нас. Будда делает большие глотки и малые, отставляет стакан, взбалтывает жидкость в сосуде, подолгу держит его неподвижным. Мы можем описывать время как угодно, это наше право до тех пор, пока не наступит Пралайя и все так называемые права не утратят смысл.

Со временем стало тихо. Видимо, отдыхающие либо разошлись, либо заснули где-то в кустах. Из сумрака вылетела ворона, опустилась мне на плечо, каркнула и клюнула в щеку. Не знаю, хотела ли она мне что-то сообщить, я так и не записался на курсы птичьего языка. Ворона вспорхнула на дерево на краю посадки, и я последовал за ней. Птица перепархивала с дерева на дерево, а я все шел по тропинке, осознавая, что все глубже погружаюсь в лес, которого здесь отродясь не было.

Я шел между деревьями, периодически прикладываясь к горлышку бутылки, с высоко поднятой головой, наслаждаясь легким ветерком, дующим мне в лицо. Все мысли потихоньку улетучились, я просто воспринимал чудо ночного леса, чудо ночи как таковой. И боги вели меня туда, куда необходимо. Не зря во многих традициях столько внимания уделяется остановке внутреннего диалога. Постоянные пререкания с собой не дают нам воспринимать сигналы из более тонких миров. Высшие сущности слишком вежливы, чтобы вмешиваться в наш разговор с самими собой.

Я вышел на поляну, в середине которой стояла избушка на курьих ножках. Ворона впорхнула в одно из ее окон, и я понял, что я пришел куда надо. Ножки были, на самом деле, лишь стилизованы под курьи – искусная работа по дереву. И постройка не вертелась, а стояла на месте. Зато была вся исписана огамом. Я поднялся по лесенке и постучал в дверь. “Входи”, – пригласил меня молодой женский голос.

***

Мы сидели за столом, попивая из деревянных чашек свежеприготовленное зелье – что-то горячее, вкусное и с небольшим градусом. Избушка покачивалась на ножках, создавая ощущение, близкое к легкой морской качке. В печи уютно потрескивали дрова. Стены были исписаны друидическим алфавитом. Морриган рассказывала о своих целях:

– Тенденция к объединению традиций существовала еще в начале XX века, изначально она оформила в рамках эзотерических обществ. К концу века мода на эзотерику у духовных искателей начала

потихоньку проходить, и многие сообщества мистиков отошли от герметичности. В начале XXI века традиции стали объединять в массовой культуре. Контора претендует на прогрессивность, но до сих пор разделена на отделы и отделы внутри отделов. В то время как настало время для смелых экспериментов. Я начала с относительно близких друг к другу традиций. Выбор избушки Бабы Яги не случаен. Ведь она стояла на границе мира живых и мира мертвых. Пусть и теперь символизирует переход от разобщенности к синтетическим чудесам нового времени. Со временем я планирую более смелые эксперименты. Добавлю немного Африки, несколько фишек от коренных народов Америки.

– А мед поэзии тебе зачем?

– Да просто вкусная штука. И вдохновляющая. Но я в последнее время подтянула мастерство в областях зельеварения и изготовления целебных настоев. Так что можешь вернуть его в хранилище. Надеюсь, Контора не будет меня преследовать?

– Преследования – вроде как не наш профиль. Мы наблюдаем и исследуем.

– Ну, я и не скрываюсь.

Что ж. Инициатива интересная. Посмотрим, что из этого выйдет. Многие люди стремятся изменить окружающий мир. Однако их стремление ни к чему не приводит. Они могут совершенствовать механизмы, разрабатывать новые технологии, менять общественные устои и где-то даже само восприятие окружающих. Это изменяет всего лишь уровень комфортности пребывания в мире. Сам же мир при этом

остается таким же, как и был. Все та же расширяющаяся Вселенная, все тоже бесконечное взаимодействие космического льда и огня, все тот же сон Брахмы.

Часть 3. Новая сила

1

Мы с Генрихом расположились в баре Конторы. Выпиваем, из музыкального автомата звучат песни Кристы Белл. Атмосфера душевная.

– Недавно я осознал, что такое горечь победы. Жаль мне Орден, – признался Генрих.

– О чем тут жалеть, – удивляюсь я, – куча идиотов, к тому же деструктивных.

– Деструктивных, конструктивных, какая разница? Ну, разрушили бы они цивилизацию, возникла бы другая. Смерть – часть жизни, разрушение – часть созидания. Невелика потеря.

– Тебе не нравится наша цивилизация?

– Дело не в том, нравится или нет. Просто с ее гибелью ничего бы кардинально не изменилось. Вот представь, допустим, сгорели бы все пленки со старыми фильмами. Ну, не только пленки – в цифровом виде тоже бы стерлись каким-то образом. Разве от этого бы исчезло кино? Или оно стало бы кардинально хуже или лучше?

– Ну, отдельные старые фильмы было бы очень жаль, – возражаю я, – подобного, возможно, уже никогда не снимут. Возьмем Линча, например. Линч меня вдохновляет.

– Но все это, старик, всего лишь привычные декорации. Чуть лучше, чуть хуже – не суть важно. –

Стоит на своем Генрих. – Вот Орден, возможно, мог бы создать нечто кардинально новое.

– Что в них такого особенного? Верят в какую-то херню. Искусство им не интересно, наука не интересна.

– В том-то и дело, что вера их – херня только на первый взгляд. Адепты упрощенных монотеистических религий не случайно называли религии древних примитивными. Вроде бы налицо нестыковка: ведь у древних присутствует сложная космология с мириадами миров и действующих сил и сложным индивидуальным духовным путем для каждого. Но в том-то и дело, что все слишком гармонично.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, – увлеченно продолжает Генрих, – что проникнуть в их тайны под силу незаурядному человеческому уму. Но здесь ключевое слово – человеческому. Они не дают мгновенного освобождения, подлинного выхода за пределы нашей вселенной. Примитивный монотеизм же, напротив, представляет собой шикарный дзенский коан, загаданный всем сразу. Согласно их космологии, ты попадаешь из огромного полного чудес мира с его миллиардами звездных систем, неисчислимым количеством живых существ, сногсшибательным искусством… Куда? Правильно, или к чертям в котле вариться, или на облака на арфе струны перебирать. Концептуального отличия нет. Что то, что то невероятно однообразно. И попадаешь ты не на год, не на сто лет, и даже, блядь, не на миллиард, а навсегда. На вечность. Это настолько абсурдно, что не может не вызывать восхищения.

– Не думаю, что без них мы будем страдать от недостатка абсурдности, – говорю я, – как-никак, эпоха Хаоса за окном, дружище.

– Во славу Хаоса! – поднимает свой бокал Генрих.

2

После того, как он был принят в штат конторы, Винс узнал много нового об окружающем мире. Но все равно загадок вокруг как будто бы и не убавилось. Он нередко чувствовал, что вот здесь, рядом, происходит что-то неправильное, чего быть ну никак не должно. Начнем со старух. Существовали правильные старухи. Это многочисленные бабушки, пекущие своим внукам вкусные пирожки, престарелые женщины-профессора, читающие студентам лекции, преисполненные сарказма и своеобразного юмора, пожилые медсестры в больницах, научившиеся воистину виртуозно колоть шприцем в задницу и иголкой в палец. Были даже интересные. С одной из таких Винс встретился около полуночи на остановке и всю ночь пил пиво, общаясь на тему язычества и древних знаний. С другой он ехал в поезде. Его соседка по купе рисовала в тетради линии, значение которых было ведомо ей одной, заговорщицки улыбалась и что-то рассказывала. Что-то такое, казавшееся преисполненным глубокого смысла, но, если вдуматься, казавшееся полнейшим несвязным бредом. Видимо, этот посыл не предусматривал задействования рационального мышления. Но наряду с этими старухами были и неправильные. Они сидели на лавочках, не меняясь внешне за десятки лет, в любую погоду. Все с ними здоровались, хотя никто не знал, как их зовут. А вот они всех знали. И наблюдали за всеми.

Кроме старух были и другие. Улыбающиеся, пышущие здоровьем трезвые люди в старомодной залатанной одежде, подчас босиком или в лаптях, которые ходили по переходам метро, сидели на станциях. Винсент регулярно встречал их в подземке, хотя никогда не видел на поверхности. Они никуда не ездили, просто сидели или ходили, смотрели на пассажиров, а те прятали взгляд. Были еще странные персонажи, которые непонятно откуда брались на пьянках после рок-концертов и поэтических вечеров, а иногда и просто спонтанных посиделках ночью в каком-нибудь дворе или сквере. Они вели себя эксцентрично, рассказывали какую-то чушь и в какой-то момент исчезали бесследно, как будто их и не было. И никто обычно не помнил, как они выглядят. Во всех этих людях было что-то чужое, неправильное, неуместное. Кто они все? Инопланетяне? Случайные сбои в матрице? Пришельцы из параллельных вселенных? Кто знает.

Винсент до сих пор не мог понять, является ли все вышеописанное явлениями одного порядка, или же это совершенно не связанные между собой феномены, объединяемые сознанием в общую лжесхему благодаря несовместимости с привычным миром. Кто все эти люди, которые носят в карманах куски сырого мяса, распространяют знания об инопланетных языках, проповедуют псевдорелигии в подземных переходах, сворачивают самокрутки из древних пергаментов? Банальные сумасшедшие или существа из иных миров? Возможно, до сих пор непознанная часть нашей вселенной?

Когда первый восторг от погружения в мир магии и древних богов прошел, Винс понял, что Контора не в состоянии дать ответы на множество вопросов. И он вовсе не оказался посвященным во все тайны мира, и

даже вряд ли в большую их часть. Взять хотя бы недавно исчезнувших соседей. Винсент не был с ними хорошо знаком. Это не удивительно – он никогда не стремился к общению с посторонними людьми лишь на том основании, что они проживают в соседнем доме. Исчезновение так бы и осталось для него незамеченным, если бы он случайно не узнал, что вся мебель в их жилище была прибита к потолку, а люстры стояли на полу вертикально. Что все это значило? Какой-то магический ритуал? Или по соседству с ним жили люди, на которых гравитация действовала наоборот – они не притягивались к земле, а наоборот – отталкивались от нее? Одной загадкой больше.

Винсент открыл ноутбук, изложил свои мысли на бумаге и отправил письмо Генриху. Если кто-то из его друзей мог хотя отчасти прояснить ситуацию, стоило сделать ставку на Генриха – мастера медитаций и неординарного мыслителя.

3

Однажды я решил проведать свою жилплощадь. Вернее, то место, где она была. Не скажу, что дело было в ностальгии. Я вспомнил весь этот шум, характерный для старых домов с тонкими стенами. Звуки проезжающих автомобилей, животные вопли и визги детей, дурашливо-слащавый голос обдолбанного педофила, который на потеху детишкам вещает что-то о капусте, морковке, борще и компоте. Все бытие соседей как на ладони, скучная жизнь, жизнь потомков черноголовых рабов из месопотамских мифов. Непрекращающийся словесный понос на разных языках: убогом русском, обезображенным словами-паразитами и неумелым употреблением мата, каком-то восточном наречии, когда разговаривают словно бы с хуем во рту,

иногда на других. Соседи периодически менялись, но почему-то всегда это были жалкие летарии, потомки полуживотной расы, словно бы наш дом был проклят. Их немногие ущербные мысли словно бы не держались в голове, они вываливались изо рта, превращаясь в звуки: примитивную речь и смех. Раздражающий смех. Что может хуже неприятного тебе человека, который смеется. Одним словом, в Конторе мне жилось куда комфортнее. Но загадка с исчезнувшей квартирой оставалась нерешенной, и меня тянуло туда, как магнитом. Я зашел в бар, подкрепил силы хорошо прожаренным стейком и стаканчиком ракии, и отправился в путь.

***

Подъезд совсем не изменился. Те же битые стекла, шприцы и упаковки из-под какой-то аптечной дряни на подоконнике, рядом с ними – недопитый фанфурик настойки боярышника. Те же обшарпанные стены, те же накорябанные на них матюги, свастики, полумесяцы и шестиконечные звезды с надписями на арамейском (наверняка тоже матерными). Все та же дверь в мою квартиру. Дверь? Ее же еще недавно, блядь, здесь не было. Похоже, и замки не сменили. Я достаю ключи, но открыть не успеваю. Дверь распахивается сама. Из нее выходят двое молодчиков со свернутым ковром. Я замечаю что-то неестественное в их внешности, но что именно – не успеваю понять. Не обращая на меня ни малейшего внимания, они минуют меня и спускаются по лестнице. За ними выходят все новые и новые люди, неся с собой всякий хлам. Какие-то самовары, прялки, обитые железом сундуки, кочерги и метлы, старую глиняную посуду, плетеные кресла. Я не протестую, так как вещи явно не мои. Их выходит подряд человек двадцать пять. Что это за цыганский табор ко мне

набился? В мою маленькую двухкомнатную квартирку, срок эксплуатации которой истек еще в прошлом веке. Впрочем, на цыган они не похожи.

Поток носильщиков иссякает, и я вхожу. Внутри нет практически ничего. Голые стены, даже двери с петель поснимали. Лишь на кухне стоит письменный стол, а за ним невысокого роста темноволосый человек, перебирающий какие-то бумаги. Он поднимает на меня глаза, и я понимаю, что не так было с остальными. Глаза у него совершенно неправильные. Инвертированные. То есть, глазные яблоки черные, зрачки белые. Сами глаза какого-то дикого светло-ржавого цвета.

– А вот и Вы, – говорит он с таким видом, будто у нас назначена встреча, – с возвращением. Спасибо за предоставленное помещение. Не волнуйтесь, Вашу мебель Вам вернут в целости и сохранности.

– А вы кто такие? – спрашиваю я.

– Мы, скажем так, наблюдатели. Наблюдаем и фиксируем историю цивилизаций. Храним материалы в своей, условно говоря, Небесной канцелярии. Мы наблюдали расцвет и гибель Гипербореи, Атлантиды, Лемурии и многих других культур, о которых нынешнему человечеству неизвестно. Созерцали Антарктиду до того, как она покрылась льдом, а также многие континенты, о которых ты не знаешь. Видели смену десятков цивилизаций на всех стадиях, от первобытного строя до рождения великих империй, от противостояния сверхдержав до превращения государств в атавизм и рождения глобального анархического сообщества. Ну, вот приблизительно как у вас сейчас это происходит.

– И нашу цивилизацию ждет гибель. Типа Евразия погрузиться в океан, а Гиперборея всплывет, или что-то вроде этого?

– Ну, что-то подобное обязательно произойдет. Но нескоро. Но в ближайшее время события вас ждут интереснейшие. Которые многие взгляды на мир должны перевернуть.

– И что вы делали у меня дома? Пришли уведомить о грядущем? Или лекцию по истории цивилизаций прочитать?

– Да нет, мы же наблюдатели, а не просветители. Просветители – это, скажем так, совсем другая контора. Просто здесь было удобно устроить наблюдательный пункт.

С этими словами человек с инвертированными глазами растворяется в воздухе.

4

Возможно, благодаря непривычно закрытым по причине наступающих холодов окнам, но в квартире Генриха почему-то пахло, как в палатке. Генрих вышел в туалет помочиться и ощутил там запах костра. Ему захотелось пойти погулять по ночному городу. Кроме того, возникло чувство приближения чего-то волшебного. А дом – это не место для чудес. Дома должно быть спокойно и уютно.

Выйдя во двор, Генрих увидел на скамейке пьяницу Михалыча. Тот неспешно вливал в себя настойку боярышника, глядя на звезды сквозь просветы в ветвях деревьев. Генрих присел рядом.

– Здорово, Михалыч!

– Здорово.

– Похоже, мне тоже сегодня неплохо бы выпить. Пить ночью – это кайф. Чувствуешь ни с чем не сравнимое спокойствие.

– Так что мешает?

– Мне не нравится, что когда я много выпью, то наутро ничего не помню. Кажется, что со мной происходило что-то интересное, но от этого не остается ничего, кроме головной боли.

– Так а как ты думаешь, почему так? – спрашивает Михалыч.

– Столкновение с самим собой. Как и во сне. Алкоголь высвобождает из подсознания истинное Я, и мы его пугаемся. Ничто так не пугает человека, как его истинная природа.

– Хуйня все это, братан. Нам специально стирают память.

– Кто стирает?

– Мне ж, бля, откуда знать? Если и знал, не вспомнил бы – стерли все.

– И ничего не остается? Никаких следов?

– Да что-то остается такое. Воспоминание о чем-то светлом. Под боярой особенно когда.

– Давай проэксперементируем, – предлагает Генрих.

Они идут в круглосуточную аптеку и заказывают несколько фанфуриков настойки боярышника. Возвращаются на скамейку, некоторое время молча пьют, глядя на звезды. Генрих любит пить вот так, спокойно, без лишнего шума. Еще со студенческих лет, когда он с недоумением взирал на беснующихся сокурсников. Особенно его изумляли идиотские игры, вроде расставить стопки по ступеням и подниматься, выпивая. Это напоминало японскую легенду о том, как бог ветра убил чудовище, выставив для него на постаментах выпивку, а затем отрубив все восемь голов. Генрих не хотел повторить судьбу чудовища, а ведь у него было даже не восемь голов, а всего одна.

Синхронно, не сговариваясь, они поднимаются и шагают в сторону станции метро. У входа в подземку встречают пожилого бородатого мужика, который бьет бутылкой из-под пива в огромную, величиной с бубен, консервную банку и поет “we will, we will rock you”. Они знакомятся, мужик представляется Никодимом. Все берут по пиву, пьют, разговаривая о древнем рок-н-ролле. Затем Никодим возобновляет “концерт” и ведет их за собой.

Компания подходит ко входу в подвал старого полуразрушенного здания. В таких обычно нет ничего, кроме мусора. Иногда там живут бомжи. Они спускаются и входят внутрь. Там их ожидает огромный ярко освещенный зал. Сбоку стоит стол с обильными закусками. По залу вальсируют пары. Все веселы и пьяны. Генрих вспоминает истории о холмах, входя внутрь которых люди попадали в мир фэйри.

– Вот оно, – говорит Михалыч. Вот сюда-то я регулярно под боярой и забредаю. Хорошо здесь. Жаль только, что назавтра опять нихуя помнить не буду.

Генрих понимает, что ничего не помнить на утро – не худший из возможных исходов. Некоторые как раз все помнят, вот только “завтра” у них наступает лет эдак через сто-двести. И они сходят с ума, будучи вброшенными в совершенно чуждый дискурс.

5

Исчезающие квартиры, загадочные наблюдатели, разгуливающие по городу мантикоры и единороги, открытые магические стычки на улицах. Человека начала XXI века подобное повергло бы в шок и заставило задуматься о собственной психической адекватности. В наши дни это воспринимается не то чтобы как должное, но как-то спокойнее. Мир изменился. Сдвинулся, как писал классик американской литературы Стивен Кинг.

Еще в XX веке установленный между жителями земли Договор, обеспечивающий размеренную обывательскую жизнь во вселенной со стабильными физическими законами, стал рушиться. Принципы, на которых был выстроен это мир, уничтожались один за другим. Началось все с иллюзии полезного труда. Люди в основной массе еще долго продолжали по инерции рвать жопу на работе и лихорадочно пытаться сделать все в установленный ограниченный срок. Но к некоторым стало приходить понимание того, что в мире практически нет ничего срочного. Существовали отдельные профессии – врачи, спасатели – в деятельности которых промедление действительно было смерти подобно. Для всех же остальных темп работ не имел не то что глобального цивилизационного, но и вообще никакого значения. Ну, какая, блядь, разница, сделаешь ты сто гаек на заводе или сто двадцать? Или не сделаешь вообще ни одной?

Цивилизация от этого не рухнет. И вообще мало кто пострадает. Разве что хозяин завода получит немного меньше денег, но деньги – вещь виртуальная, чистый вымысел.

Далее в тартарары последовала так называемая “научная картина мира". С введением всеобщего образования и, позднее, изобретением Интернета, люди получили доступ к практически неограниченному количеству информации разного рода. Это привело к забавному парадоксу. Значительная часть общества отвергла официальную науку, причем различные группы – по прямо противоположным причинам. Более глупое большинство – из-за недостатка понимания. По их мнению, ученые занимались непонятной и никому не нужной поебенью абсолютно без толку, расходуя на это неоправданно большие суммы. В случае же интеллектуального меньшинства причиной послужил переизбыток понимания. Интеллектуалы осознали, что наука не в состоянии дать полного описания мира, а просто занимается разработкой моделей, более или менее точно описывающих частные регулярно повторяющиеся явления. В этом плане был куда привлекательней, скажем, дзен-буддизм, позволяющий без закупки дорогостоящего оборудования и штудирования тысяч фолиантов понять абсолютно все.

В мире менялось многое. Казавшиеся незыблемыми политические системы рушились либо превращались в нечто совсем уж сюрреалистическое. Времена года исчезали, погода становилась непредсказуемой. Особенно изумительным феноменом было так называемое сумасшествие машин. Нет, вовсе не компьютерный бунт, описанный фантастами XX века. С компьютерами ничего не случилось, они продолжали служить нам верой и правдой. Обслуживающие роботы

тоже исправно выполняли свои задачи. Но начали неведомо откуда возникать совершенно дикие механизмы, назначение которых не всегда было ясным. Некоторые из них периодически включались в окрестностях моего дома. Этим вечером я вышел во двор, присел на скамейку и закурил, вслушиваясь в их мерный гул. Вскоре ко мне подошел Фидель. В руках у него была свежеоткрытая бутылка портвейна с портретом Эрнесто Гевары.

– Все занимаешься революцией? – спрашиваю я.

– Да нет, давно завязал. Борьба за свободу и торжество анархических идей была актуальна веке эдак в XIX – XX. В наши дни революция идет сама по себе, мне в ней ловить нечего.

– То есть, окружающий мир тебя уже устраивает?

– В принципе, когда никакой хуйни не происходит, здесь как на курорте.

Мы сидим на скамейке и пьем портвейн наблюдая за работой небольшого автоматизированного заводика по производству биороботов. Периодически партии полуживого товара появляются из его нутра. Они отличаются между собой одеждой, цветом кожи и волос, половой принадлежностью, но есть в них нечто общее: пустота глаз, скучное выражение лица, скованность движений.

– Как думаешь, для кого их производят в таком количестве? – спрашиваю я.

– Некорректный вопрос. Это раньше звезды зажигали, потому что это кому-нибудь нужно. Сейчас они зажигаются сами по себе.

– То есть, биороботов производят просто чтобы были? А как думаешь, сколько их сейчас ходит по улицам?

– Да откуда мне знать, – отвечает Фидель, – внешне они практически неотличимы от обычных обывателей.

– Согласен. Ну, да и черт с ними. Это, в конце концов, всего лишь элемент декораций.

6

“Я планировал свою жизнь совершенно иначе. Думал – буду мотаться по жарким странам с печатной машинкой и бутылями с дешевым вином в чемодане, пробовать местные наркотики, пока не сдохну от какого-то из них или пока меня не прирежут вспыльчивые местные. Реально же я редко выезжаю за пределы города – и здесь загадок хватает выше крыши”. – Думает Винсент, сидя за компьютером. Приходит письмо от Генриха. Тот пишет:

“*Привет, Винс. Все эти загадочные персонажи, о которых ты говоришь – порождения так называемой планетарной Системы № 2. Система № 1 (она же Планетарный Эгрегор) существовала изначально со дня рождения Земли. Изначально она, строго говоря, из системой-то и не была, так как вмещала в себя одно единственное планетарное сознание. Потом, с зарождением жизни, это уже было объединенное сознание, включающее в себя сознания всех растений, животных, колоний насекомых, грибов, духов, богов и прочих. Все эти существа и сущности жили и осознавали мир сами по себе, и в то же время существовали в рамках Системы № 1, объединенные в*

общее планетарное сознание, и создающие мир таким, каким мы привыкли его воспринимать. Это длилось миллиарды лет, пока не наступил XX век. И люди создали Систему № 2, систему в системе. Безусловно, Система № 1 сама по себя включала в себя много подсистем, однако они все были ее частью. Система № 2 представляет собой нечто обособленное, отчасти отдельное.

Все началось, как уже было сказано, в XX веке. Первыми кирпичиками в здании Системы № 2 послужили давно известные людям изобретения. В частности, почта, которой они пользовались в течение многих веков. Но если до этого почта была просто средством связи между близкими людьми и деловыми партнерами, то люди XX века стали использовать ее для связи между совершенно незнакомыми людьми – появились так называемые друзья по переписке, по почте стали продаваться товары. Телефоны стали использоваться опять-таки для продаж, для заказа услуг. Затем появилось телевидение, и люди окончательно погрузились в новый виртуальный мир. Мир, созданный ими вне Системы № 1, не подчиняющийся ее законам. Мир, в котором они оказались вместе со множеством незнакомых людей. Если мир литературы позволял каждому человеку погрузиться в свою собственную свежесотворенную вселенную, которую он создавал для себя и только для себя при помощи автора, то телевидение затянуло сотни миллионов людей во вселенную, созданную для них другими людьми. Апогеем стал Интернет, с изобретением которого каждый мог окончательно выключиться из былых социальных взаимодействий и вести исключительно сетевую жизнь. И здесь начинается самое интересное. Если бы все произошло как в популярных в том же XX веке фантастических

романах, и человечество действительно ушло бы в виртуальную реальность, системы бы либо разделились, либо Система № 2 стала бы новой органичной составной частью Системы № 1. Но большинство людей продолжили жить в рамках обеих, и начались конфликты. Системы стали, грубо говоря, глючить и создавать нечто, для нас непостижимое".

Винсента всегда озадачивало некая противоречивость, которую он неоднократно замечал в своем товарище. Генрих умудрялся сочетать в себе глубокий мистицизм и тягу к сугубо научному мировоззрению, попеременно проявляя то исключительно рациональный, то исключительно иррациональный подход. Вещи не сказать, что несовместимые, но, скажем, внутри самого Винса, да и Варга, они прошли некий синтез, сформировав гармоничное усредненное мировозрение. В каждом из них были маг и ученый в приблизительно равных пропорциях. Генрих же был человеком науки и магом попеременно. Даже не магом, а каким-то дзенским безумцем.

Приходит новое письмо, с адреса Землеченко. Рассылка сразу на десятки адресов. Что это, приглашение на какое-то торжественное мероприятие? Уведомление о роспуск е Конторы? Шеф практически никогда не общался с рядовыми работниками лично, предавая при необходимости информацию через глав отделов. Насколько было известно Винсенту, он вообще не вникал в повседневные заботы организации, отвечая исключительно за векторы развития и ключевые стратегические решения. В письме написано следующее:

“*Дамы и господа, в городе нечто происходит. Нехарактерное для Нью-Вавилона, нехарактерное для современного мира в целом. В приложенных файлах задания для каждого из вас, просьба выехать на места как можно раньше*”.

Винсент открывает свой файл и читает: *“Квартал красных фонарей. Улица Жанны д’Арк, 69. Бывшее здание публичного дома “Самаритяночка”. Нефилим*".

7

Ознакомившись с материалами задания, Генрих ничуть не удивился. Этой ночью он видел во сне красивую китайскую девушку с цветком лотоса в одной руке и плетеной корзиной, полной трав и цветов, в другой. Девушка двигалась вдоль горной тропы, не касаясь ногами земли. Временами, она оборачивалась и протягивала в направлении следовавшего за ней Генриха руку с лотосом. Они двигались к вершине высокой горы, и по мере приближения к ней луна на небе становилась все больше и больше.

Генрих был готов к тому, что в этот день произойдет что-то важное. И, судя по всему, это произошло. На окраине города одетый в кашаю человек с бритой головой и без обуви, по словам очевидцев, плавно спустился с неба и неспешно вошел по улицам. Он тащил за собой на веревочке вязанку золотых баранок, за бряцающей связкой увязалась стая бродячих псов. Со временем стая росла, и вскоре небесного пришельца сопровождало около сотни собак. Один студент, увидев это, сошел с ума, вообразив, что их лай вскоре войдет в резонанс и разрушит город.

Конечной точкой путешествия загадочного предводителя псов в монашеском одеянии служил огромный бар в центре Нью-Вавилона. Он эффектно прошествовал ко входу по поверхности реки, ступая по воде, словно посуху. Собаки плыли вокруг него, образовав некое подобие живого острова. Войдя туда, он расставил по столам невесть откуда взявшиеся миски, налил в них бурбон и коньяк, и псы расселись на стульях, неспешно лакая угощение. Персонал и посетители, словно по команде, разом покинули здание, оставив собак пировать.

Генрих входит в бар и кланяется. Монах смотрит на него и хлопает в ладоши.

– Как твое имя? – спрашивает Генрих.

– У меня нет имени, – отвечает предводитель псов, – имена есть только в мире, который придумали люди. Допустим, коты не дают друг другу имен. Они и так друг друга прекрасно различают.

Монах улыбаясь идет к бару, берет две огромных бутыли виски и обходит бар кругом, обновляя пойло в собачьих мисках.

– Зачем ты пришел? – интересуется Генрих.

– Я пришел, чтобы над вами смеяться. Вы ничего не понимаете. Вы различаете дух и материю и бесконечно спорите, что первично, исписывая тысячи страниц, издавая тома всяких глупостей. Вы разделяете смерть (*подходит к одному из псов, достает из-под полы одеяния кинжал, перерезает ему горло и смотрит, как кровь стекает по столу на пол*) и жизнь (*достает из рукава веер, бьет по голове мертвое животное, рана на горле затягивается, пес воскресает и радостно лает*).

– Ты будешь нас просвещать?

– Нет, я же сказал – я буду над вами смеяться. А у кого хватит смелости, те будут праздновать вместе со мной. А теперь – спокойной ночи. – Монах подходит к висящей на стене сумке и залазит в нее.

Собаки оборачиваются в сторону Генриха, скалят зубы и рычат.

“Как сказал бы персонаж одного фильма начала XXI века, я словно бы вляпался в какой-то сраный мультфильм. Точнее, в дзенский коэн”, – думает Генрих и покидает бар.

8

Согласно преданиям, нефилим явились в мир незадолго до потопа. Будучи плодом смешения между ангелами и людьми, они владели знаниями, равными жителям небес, но были близки к людям. Нефилим научили человечество ремеслам, наукам, магии, в кратчайший срок подняв цивилизацию на качественно новым уровень. Это разгневало Бога, который жестоко отомстил потомкам ангелов и людей, заточив их до Страшного Суда. Не в меру же продвинувшееся в развитии человечество он смыл потопом.

Следуя полученному заданию, Винсент прибыл туда, где не так давно располагался популярный в Нью-Вавилоне бордель “Самаритяночка”. Недавно, буквально за одну ночь, на его месте возникло новое здание. В первые несколько часов от зевак не было отбоя. Но затем с отдельными праздно глазеющими стали происходить несчастья. У них ни с того ни с сего вытекали глаза, разрывались внутренности, появлялись

симптомы бубонной чумы и проказы. В конце концов, пространство перед бывшим борделем опустело.

Новое здание напоминало громадный богато украшенный православный собор. Только место крестов на куполах занимали золотые изваяния обнаженных женщин с крыльями. Надпись над входом в храм сообщала, что здесь располагается церковь Марии Магдалины. Винс вошел внутрь и оказался в огромном зале с фонтанами. Из фонтана в центре зала лилась чистая вода, из остальных – разные сорта вин. Бывшие “жрицы любви” (теперь, возможно, повышенные в статусе до просто жриц), облаченные в белые туники, возлежали то тут, то там на коврах с золотыми кубками в руках.

В дальнем конце зала стоял трон, на котором восседала красивая женщина высокого роста. Винсент подошел к ней и представился.

– Меня зовут Ревекка, – сказала женщина, – и я явилась на Землю продолжить дело, начатое предшественниками.

– Но разве Бог не запретил связи между ангелами и смертными? – Спросил Винсент. – И разве он жестоко не карает за это?

– Как верно подметил ваш мудрец Ницше, Бог умер. Соответственно, эра веры потихоньку уступает место эре просвещения. Первые нефилим дали людям многое – оружие, механизмы, знания о космосе, но они не принесли главного – благодати. Все их подарки оказались не столь и ценными, так как все это смертные могли взять и своими силами.

– А благодать нельзя прочувствовать самостоятельно?

– Теоретически можно, но это дело крайне сложное и трудоемкое, мало кому оно под силу. В других сферах прогресс достигается куда проще. Начиная с XIX века вы стремительно развивали науку, культуру. Но в плане массового слияния с Абсолютом не придумали ничего лучше музыки в стиле госпел. И то, если быть до конца откровенными, на самом деле ее придумал еще царь Давид в библейские времена.

– И ты дашь благодать всем?

– Еще бы. Разве не прекрасно, что то, что до недавних пор было привилегией монахов и отшельников станет достоянием блядей и уголовников? Вчерашние шлюхи станут одухотвореннее всех жителей тибетских монастырей. Да будет так. Аминь.

9

В деловом центре Нью-Вавилона на крыше самого высокого небоскреба приземлился дискообразный межпланетный корабль. На нем прибыли инопланетяне, объявившие себя расой богов. Об этом узнали не сразу. Даже в наш век чудес и возрожденной магии рядовые горожане редко поднимают головы к небу. А их сознание по-прежнему отфильтровывает все непривычное, прочно удерживая их в том маленьком скучном мирке, в котором они существуют.

Космические пришельцы приспособили для себя весь верхний этаж, на котором до этого располагался культурный центр какой-то ближневосточной страны. Каким-то способом, вероятно, при помощи сильного гипноза они обратили всех служащих центра в своих

рабов. Собственно, от родных работников и дошли вести о происшедшем. Когда те не вернулись домой вовремя и перестали отвечать на звонки, их домочадцы отправились в центр на поиски. В итоге часть из них также была обращена в рабов, а часть выставлена взашей уже обращенными.

Обстановка чем-то напоминала арабскую сказку, несмотря на современную офисную мебель. Возможно, коврами с затейливым орнаментом, но скорее наличием смуглых рабов в чалмах, с опахалами в руках и безучастными лицами. Меня приняли сразу трое инопланетян, двое мужчин и женщина. Все высокого роста и со светлыми волосами. Женщину звали Астарта, мужчин – Энлиль и Озирис. Я представился, и они согласились ответить на все мои вопросы.

– Твоя организация – одна из немногих, уделяющих пристальное внимание традициям древности. Поэтому мы поговорим с тобой, - говорит Озирис.

– Зачем вы прибыли? – Спрашиваю я.

– Мы явились вернуть утраченное наследие. – Отвечает Астарта. – Помочь внукам Дажбога и Одина вспомнить своих предков.

– Это будет непросто в мире, где наследники богов забыли свое происхождение, смешавшись с существами с примитивным разумом, – говорит Озирис.

– Ты же знаешь, что изначально планету населяло два типа людей, – добавляет Энлиль, – прямые потомки богов и черноголовые рабы, полученные путем генетического изменения обезьяноподобных существ.

– Речь идет о духовном наследии? – спрашиваю я.

– Как о духовном так и о материальном. – Отвечает Астарта. – Мы оставили вам знания, оставили механизмы. Смешиваясь с рабами, вы деградировали, забыли, что знали, разучились считывать информацию, использовать оставленные вам машины.

– Что стало с машинами и носителями информации?

– Часть разрушена, часть лежит где-то без дела.

– Почему нам ничего о них не известно?

– Для работы с нашими технологиями необходимо использовать силу врил, – поясняет Астарта, – без нее они так же бесполезны для вас, как велосипед для безногого или книга на чужом языке для безграмотного.

– Вы поможете нам возродить утраченные способности?

– Мы вернем их тем, кому возможно, – говорит Озирис, – тем, чья кровь не достаточно испорчена смешением с обезьяноподобными летариями.

– А затем мы установим контроль над развитием, вернув власть старым богам, – добавляет Энлиль.

10

Мы собрались в Пчелином городе, в баре “The Cavern”. Уютно расположились за столиками с пивом. Привычный полумрак, портреты Black Sabbath и Led Zeppelin на стенах, красивый черный блюз. Словно бы последний островок старого доброго логичного мира.

Даже гигантские пчелы-мутанты, летающие снаружи, уже кажутся чем-то совершенно обыденным. На фоне того, что мы видели в последние дни, так и есть. Мы делимся впечатлениями и все отчетливее понимаем, что миру, каким мы его знали, пришел конец. Генрих, как обычно, разбирается в происходящем лучше всех. Светлый ум, наполненный множеством знаний и закаленный медитациями. Он раскидывает все по полочкам:

– Работа человеческого сознания направлена на создание миров. Они образуются непрерывно. В часы так называемого бодрствования создается то, что мы называем явью. Тот самый материальный мир, в котором мы когда-то давным-давно, в наших древних воплощениях, договорились жить, и который с тех пор творим общими усилиями. В часы отдыха тела сознание продолжает работать. Те, кто способен к выходу на другие планы сознания, осознанно творят общие необычные миры (такие себе кружки по интересам, астрал-сообщества) или являются со-творцами постоянных обитателей иных вселенных. Все остальные во сне создают свои собственные недолговечные мирки, многие из которых существуют не более нескольких секунд. Тем не менее, все они имеют определенные законы, историю. Это можно расценивать как лишнее доказательство того, что бессмысленно говорить о начале мира. По крайней мере, это начало не обязательно совпадает с началом истории, ведь можно создать вселенную с уже готовой историей. Но это так, отступление. Вернемся к происходящему здесь и сейчас. Мы наблюдаем картину размытия границ между так называемой реальностью и так называемым вымыслом. Материальный план смешивается с тонким планом, на котором разворачиваются действия известных нам мифов. Грань, отделяющая фантазию от

суровой действительности, перестала существовать. Хаос грядет. Что ж, дамы и господа, не вижу в этом ничего плохого.

– За хаос! – провозглашает тост Винс.

– И за фантазию, – поддерживаю я.

11

Из “The Cavern” мы отправились в Контору. Но добраться до места назначения нам было не суждено. Так как добираться было попросту некуда. Там, где еще недавно располагалась штаб-квартира нашей организации, мы обнаружили мегалитический комплекс. Такие строили в древности для наблюдения за небесными светилами и совершения загадочных ритуалов, подробные сведения о которых до нас не дошли. Среди камней гуляет ветер. Между каменными глыбами ходит какой-то слепой мужик. Он играет на цитре и что-то напевает на неизвестном языке.

– Всегда интересовало, откуда взялась эта традиция слепых бардов, – говорит Винс, – начиная от Гомера, и заканчивая украинскими кобзарями и легендарным японцем Себуцу. Наверно, им просто заняться было больше нечем?

– Нет, – отвечает Генрих, – у них есть своего рода преимущество. Визуальные впечатления не загромождают память, и остается уйма места для запоминания текстов. Зрячим приходилось чистить сознание, это не такая простая практика.

– Тем не менее, необходимая. Ни одному метафизику без нее не обойтись. Сложно найти в

сознании место для божественного, когда там столько хлама, как у обывателя. – Говорю я.

– Это да, – соглашается Генрих, – ты либо идешь к высшим мирам, либо смотришь новости.

Возле находящегося в центре сооружения, напоминающего алтарь, мы встречаем Гримнира. Он стоит с закрытыми глазами, подставив ветру лицо. Его фигура с раскинутыми руками напоминает руну Альгиз.

– А где Контора? – спрашивает Винсент.

– Исчезла за ненадобностью. – отвечает Гримнир. – В многовековой борьбе между силами разрушения и созидания побеждает хаос. Противоречия стираются, разрушение и созидание объединяются в единый волшебный танец.

– Это конец цивилизации? – спрашивает Генрих.

– В том виде, в каком мы ее знали. Нас ждет много интересного. Приближение луны к Земле. Рождение расы гигантов. Ее магическое противостояние космическим силам. Падение луны на землю, глобальная катастрофа. Все выжившие наблюдают конец нашего мира. Столкновение Земли с Марсом и окончательная погибель всего живого. Схлопывание заледеневшей планетарной массы с Солнцем и миллиарды лет до взрыва и рождения нового мира из борьбы льда с огнем. А знаете, что самое забавное?

– Что? – спрашиваю я.

– То, что высокоразвитые инопланетные цивилизации из далеких галактик будут в полном шоке наблюдать за нашей сошедшей с ума солнечной

системой. В которой перестали действовать законы астрофизики, и которая самим своим существованием бросает вызов здравому смыслу.